

Ольга Шипилова

*Птенец,
кукушки.
Отдать в
хорошие руки!*

Ольга Шипилова

**Птенец кукушки.
Отдать в хорошие руки!**

«Издательские решения»

Шипилова О.

Птенец кукушки. Отдать в хорошие руки! / О. Шипилова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904804-2

Скандальный психологический триллер о системе усыновления. Молодые успешные супруги Арника и Иван Светлосановы решаются на сложный, ответственный шаг — взять в семью чужого ребенка, чтобы он стал родным и обрел счастье. Семья оказывается в ловушке собственных добрых намерений, впустив в дом самого дьявола. Попытки идти на поводу у общественного мнения приводят к трагедии. Провокационная книга разрушает стереотипы о процедуре усыновления и его последствиях.

ISBN 978-5-44-904804-2

© Шипилова О.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1. Ожидание	8
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Птенец кукушки. Отдать в хорошие руки!

Ольга Шипилова

Фотограф Виктор Анатольевич Иванцов

© Ольга Шипилова, 2018

© Виктор Анатольевич Иванцов, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-4804-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

*Дьявол – джентльмен;
Он никогда не входит без приглашения.
Джон Линкольн*

Высокая полная дама в дорогом костюме цвета морской волны топталась возле обшарпанной двери квартиры номер восемь на третьем этаже многоквартирного дома. Заметив в ней зияющую дыру, именно в том месте, где по всем правилам должен был находиться замок, она привычно наклонилась, заглянула в помещение одним глазом и отшатнулась.

– Фу, ну и вонь! А что внутри творится! Ну, рванем, Наташка? – повернула она свою ухоженную голову в сторону тоненькой девушки, застывшей на ступенях лестничного марша.

– Рванем, Ефимовна, – пропищала растерянно та и поправила длинные волосы на плечах цвета блонд.

– Значит, рванем, девонька, учись, как надо! – пробасила Ефимовна и, для верности зажав нос двумя пальцами, с силой толкнула дверь замшевой туфелькой на высокой шпильке.

Запах человеческих нечистот вырвался на лестничную площадку и едва не сшиб женщин с ног. Ефимовна героически выстояла и, гордо подняв голову, шагнула в квартиру. Потом она обернулась и махнула рукой:

– За мной, Наташка, кажется, сегодня обойдемся малой кровью. Документы у тебя?

– Да, – снова пропищала Наташа, страхась войти вслед за Ефимовной в квартиру.

– Ну, так чего встала? За мной, быстренько, мне еще сегодня в парикмахерскую, а ты возишься!

Квартира была достаточно просторной, трехкомнатной, но ее состояние удручало. Сорванные обои висели лохмотьями. Полы покрывал изъеденный окурками линолеум, засаленные выключатели давно позабыли свое предназначение, а по разбитым плиткам, как по беговым дорожкам, весело носились рыжие квартиранты, они же тараканы домашние, или прусаки. В прихожей валялись детские вещи, обувь и грязные памперсы. Вдоль стен, как на продажу, стояли пустые бутылки. Наташа неосторожно зацепила одну из них, и квартиру заполнил резкий стекольный звон. В самой дальней комнате испуганно зарыдал ребенок, а на кухне послышалось странное шипение, потом шорох и хрюканье.

– Нам туда! – скомандовала Ефимовна и потащила Наташу за собой на хрюкающий звук. На полу кухни, в собственных испражнениях, лежало в забытьи существо, отдаленно напоминающее человека. Ефимовна зашла сбоку, стараясь не испортить свои замшевые туфли, и осмотрела сначала пустые шкафчики, неработающий холодильник, а затем залитую липкой дрянью плиту.

– Изымаем, Наташка, тут и разговоров быть не может! Милицию вызывай! И вот же не кается, свинья такая, шестого ребенка на плечи государству взваливает, и хоть бы хны! И все отпрыски ее того!

– В смысле? – не поняла Наташа. – В каком смысле того?

– Того, значит, того. Умственно отсталые! Пришлось попыхтеть, чтобы их в семье пристроить! Ого, как попыхтеть! А чего ты хотела, эта свинья не просыхает, мужики все разные. Свинья, я тебе говорю, самая настоящая!

– Ага, свинья настоящая! – безразлично осматривая существо на полу, согласилась Наташа.

– Вот тебе и мамочка, фу, кусок вонючего мяса. Тридцать лет, а похожа на чучело. И ты смотри, Наташка, смотри, у нее точно еще один в животе сидит, я не я буду, сама мать, знаю. И рожает же, тварь последняя! И сказать ничего не скажешь, она стране людей дает! Ладно, девонька, пойдем к ребенку. Так, документы давай! Ага, Алексей Лихоченко, три месяца от роду.

Все, идем! Надо одеяльце какое-нибудь отыскать, посмотри хорошо по комнатам, может, что чистое есть, а я пока ребенка осмотрю и записи сделаю, давай, милая, шустренько. Да, и милицию вызвать не забудь, чтобы все по правилам! Быстрее, быстрее, девонька, а то мне еще в парикмахерскую!

Часть 1. Ожидание

– Вот и последняя моя одноклассница родила! Надо же, я одна бездетная осталась!

– Арника, что ты там говоришь, бельчонок? Вода шумит, не слышу! Сейчас, подожди, кастрюлю домою и иду. Уже лечу! Все, говори, я полностью твой, слушаю, кстати, ужин был великолепен! – запыхавшийся высокий мужчина вбежал в светлую гостиную с полотенцем на одном плече, наспех вытирая мокрые руки.

Его жена, красивая темноволосая девушка, сидела на огромном диване в освещении торшера, поджав под себя худенькие ноги в белых вязаных гольфах.

– Ванечка, я тебе рассказываю, что Томка тоже родила, вот поздравления ей написала, – Арника оторвала глаза от планшета и, надув губы, взглянула на мужа.

– Солнышко, ну и пусть! Тебе-то что? Ты же никогда детей не хотела! – ответил Иван, словно извиняясь перед женой за то, что какая-то там Томка, о которой он прежде никогда не слышал, родила.

– Не хотела, но смотрю на всех и чувствую, что я будто неправильная, не такая! Уже тридцать почти, а желания нет!

– Нет и не надо! Пока не надо! И не уже тридцать, а всего тридцать, вон голливудские звезды и в пятьдесят рожают!

– Так то звезды, – вздохнула Арника.

– А ты у меня тоже звезда, самая настоящая! Тело идеальное, ногти, волосы, личико кукольное, умная, образованная. Гордость моя!

– Что толку от образования, пять лет на юрфаке и ни дня на работе!

– Все правильно, – прервал жену мужчина, – юристы в семье всегда нужны, не всем же, как мне, в мастерах ходить, кому-то нужно уметь и заявление написать, жалобу подать, мало ли в жизни ситуаций! А чтобы ты работала, я никогда согласия не дам, зачем тогда муж? Вон дом какой у нас огромный, ему хозяйюшка нужна, и Рикки, в конце концов!

– Рикки, это да, куда я от него! Ладно, Вань, пойду пока на второй этаж, постелю нам, а ты посуду, пожалуйста, полотенцем вытри, окей? И Рикки с улицы заberi, а то опять в грязи вываливается, а мне завтра весь день с тряпкой ползать придется.

Арника нехотя слезла с дивана, поправила гольфы и поднялась по лестнице на второй этаж коттеджа. Оказавшись в одной из трех спален, она прошла к окну, не зажигая свет, коснулась занавесок. Недолго постояв у окна, в котором Арника видела пустую унылую улицу и высокий фонарный столб возле забора коттеджа, девушка отвернулась и одной рукой в темноте отыскала край двуспальной кровати. Она устало опустилась в ее приятный уют и выдохнула. В груди ныло, а на глаза навернулись слезы. Арника потерла веки и задумалась: «А почему, собственно, что-то должно быть плохо? Все отлично, если бы не эта Томка со своими фото и комментариями в соцсетях! Глупые мысли! Я же не завидую! Нет. Просто немного грустно. Наверное, осень во все виновата, точно она!» Но на самом деле, и в этом Арника не хотела сама себе признаваться, ей было грустно, потому что у всех ее одноклассниц инстинкт материнства появился еще в возрасте шести лет, а у нее ничего подобного. Ничего! Благо, Иван – умница, на детях не настаивает. Десять лет супружеской жизни – и ни одного упрека! Да и в чем упрекать? Все, что бы ни делала Арника, она делала исключительно ради Ивана. Даже тогда, на третьем курсе юридического факультета, когда он предложил стать его женой. А ведь преподаватели удивлялись, мол, отличница, красный диплом на горизонте, какое замужество, когда впереди головокружительная карьера? Арника мечтала стать адвокатом, даже практика в судах была кое-какая, но она выбрала Ивана. И он заменил собой весь мир. Прочно стоял на ногах, достраивал дом, именно о таком мужчине Арника мечтала. Получив штамп в паспорте, Арника радовалась, что ей не приходится, как другим однокурсницам, думать о куске

хлеба, сетовать на тяжелую жизнь. Все проблемы Иван взвалил на свои плечи и берег жену от жизненных невзгод. Она и не сопротивлялась. С каждым днем Арника открывала в себе новые способности в кулинарии, устройстве быта, и это полностью захватило ее. Спустя пять лет семейной жизни она надежно уверовала в то, что это и есть предназначение женщины. К тому же в их семью пришел Рикки, и Арнике больше не приходилось сидеть в одиночестве, ожидая мужа с работы. Иван ни разу не заставил Арнику пожалеть о выборе в пользу семьи. Он трудился на большом предприятии, исправно все деньги приносил в дом, летом они ездили на море. Не жизнь – сказка!

Живой ум Арники был способен с завидным постоянством рождать интереснейшие увлечения и хобби, чтобы не чувствовать себя обычной домохозяйкой. А Иван всегда с азартом поддерживал начинания своей жены. Хотела заниматься на курсах ландшафтного дизайна – пожалуйста! Значит, будет собственный фруктовый сад, и территория возле дома благоустроится. Захотела на курсы французского языка – тоже на здоровье! Это так романтично. Решила довести до идеала свое тело – умница, вот и книги необходимые! Вегетарианкой назвалась – еще лучше, польза для здоровья! О таких как Арника обычно люди говорят «с жиру бесится», хотя какой там у нее жир, кости да мышцы! Так, за всеми своими занятиями, Арника и не заметила, как пролетели десять лет семейной жизни, счастливой до неприличия, а она из жены стала мужу не только другом и компаньоном, но еще и дочерью, хотя разница в возрасте у них всего два года. И все из-за внешности. Арника так увлеклась занятиями спортом и правильным питанием, что в тридцать выглядела как подросток. Мужа это восхищало, а ее саму тем более. Вот только места в этом совершенном теле для вынашивания будущего ребенка не нашлось. «Раньше нужно было рожать, – думала Арника, – а не сейчас, когда проделан такой тяжкий труд над собой! Гораздо раньше. Если бы готовенького ребенка, тогда да, но только не самой страдать девять месяцев, а потом еще и эти ужасные роды». А когда на плановом осмотре у гинеколога ее назвали старородящей, Арника и вовсе решила выбросить глупые мысли о детях из головы, не хватало еще и оскорбления в свой адрес получать! Признаться честно, Арника всегда считала себя исключительной, не такой как все. Об этом и ее мама твердила, и родители мужа, когда познакомились с ней поближе. Одно только имя чего стоит! «Другая, я другая! – успокаивала себя девушка, если ее поступки шли в разрез с поступками всего общества. – У всех дети, и ладно, а у меня прекрасная семья!» Впрочем, сын у Арники тоже был. Она искренне считала его своим ребенком, потому что выкормила и вынянчила на своих идеальных руках. И однажды, взяв его в раннем детстве на эти идеальные руки, она бросила вызов обществу, поспорила с ним, растеряв всех друзей, но все же спор выиграла. Арника одержала победу над стереотипом «сколько волка не корми...» Потому что Рикки был действительно самым настоящим волком, которого Арника полюбила всем сердцем и теперь называла сыном.

Она нашла его в лесу. Сама тогда удивилась, как такое возможно – мокрый крошечный комочек под сосной и никого. Арника не сразу поняла, что Рикки – волчонок, думала – маленький щенок. Но нет, Рикки оказался настоящим волком. Волков Арника видела только по телевизору, но склонность к аналитическому мышлению быстро помогла ей сопоставить внешние особенности находки с увиденными кадрами и вынести четкий вердикт относительно родовой принадлежности зверя. Что произошло с его матерью, Арника думать не хотела, хотя здесь как раз все понятно. Вот только вместо шишек, из которых Арника планировала сделать декоративную корзину для интерьера первого этажа, она принесла из леса волчонка. По всем признакам срок его жизни не превышал трех недель. И вид у малыша был такой жалкий и несчастный, что Арника на ходу придумала для него самое гордое имя, на которое только могло хватить ее женской фантазии – Риккардо. Она еще не решила, что будет делать с находкой дальше, но была глубоко убеждена, что подобное счастливое имя точно выправит несчастную жизнь осиротевшего волчонка. А когда Ваня вернулся с работы и, увидев лесное чудо, так трогательно подхватил его на руки и прижал к груди, судьба малыша была предопределена. Он

стал новым членом семьи. Арнике тогда пришлось несладко. Уже к концу первой недели пребывания в семье Рикки, девушка поняла, что взяла на себя серьезные обязательства, и если она с ними не справится, Рикки придется усыпить. Изучив горы литературы, пообщавшись с заводчиками волков на форумах в интернете, Арника решила не сдаваться, бороться за своего волчонка до последнего. Не в лес же его обратно нести! Да и что теперь ей оставалось? Выход был только один в понимании девушки – растить лесного зверя, как человеческое дитя. И она взялась со всей своей ответственностью воспитывать волка. Ох, и кричали на нее родственники, всего наслушаться пришлось! Но больше остальных лютовала мать мужа, упрекала за то, что возится со зверенышем как с младенцем, вместо того, чтобы родить нормального человеческого ребенка. Что-то подобное говорили семье и друзья. Иван поддерживал жену во всем и полностью. И как-то неожиданно, спустя совсем короткое время, Арника и Иван вдруг заметили, что друзья куда-то испарились, родственники навещают редко, а они остались наедине сами с собой и со своим питомцем.

– Ну и черт с ними, – махнул рукой Иван, – не расстраивайся, бельчонок, помню, надо мной еще в детстве смеялись, когда я не мог курицу убить, а теперь уж как потешаются – и подумать страшно, это не наши проблемы! Мы взяли ответственность, значит, будем воспитывать волка! Что же теперь убить его?!

– Да, – серьезно сказала Арника, – я тоже никогда никого не убивала, а теперь получается, когда Рикки к нам привыкает, а он действительно привыкает, старается, я должна его лишить жизни?! Ни за что, я другая, мы другие! Пусть не приходят больше! Значит, такие друзья!

И побежали круговоротом дни, когда Иван уходил на работу, а Арника оставалась со своим детенышем дома, стараясь изо всех сил, чтобы он, повзрослев, не подтвердил предостережений опытных в этом непростом деле людей. Арника выпаивала его из пипетки молоком, потом на смену пипетке пришла бутылочка. Никакого мяса, ни грамма! Каши, творог, кефир, вареные овощи! Рикки учился питаться так же, как питалась Арника. Он воспринимал ее как пример для подражания, как свою родную мать. Иван, приходя с работы, приносил полные пакеты еды, и если Арника была для Рикки мамой, то Иван – альфа-самцом, добытчиком, без которого и мама, и он, Рикки, просто погибнут.

Больше всего Арника опасалась периода полового созревания. Она с тревогой всматривалась в раскосые глаза своего питомца – и ничего. Ее опасения не подтвердились. А дальше начались кропотливые занятия по выполнению команд. «Не поддаются дрессировке», – читала Арника в книге. Потом откладывала ее и, не зная усталости, продолжала: «Ко мне, Рикки, неси бутылку! Апорт, Рикки, принеси мяч!» Рикки ничего не выполнял, только приподнимал вверх кончик опущенного хвоста и повизгивал. Но однажды произошло событие, которое заставило Арнику совсем по-другому взглянуть на своего волка и понять, что он куда умнее, чем она думала о нем, и ни в каких дрессировках вовсе не нуждается. Она тогда делала уборку на втором этаже, чистила ковры, от пыли начался кашель. Арника присела, стараясь откашляться, и вдруг почувствовала, как удушливые тиски сдавили горло, она не может ни вдохнуть, ни выдохнуть. Арника запаниковала – судорожно тянула воздух, хлопала руками по груди и полу. Лицо побагровело, губы стали синими. Внезапно она ощутила, что это конец, странная аллергическая реакция – и она лежит на своем ковре, обхватив горло двумя руками, теряя сознание. Бедный Иван! Из последних сил она прохрипела: «Рикки, воды!» И сама не поняла, для чего сказала это, словно Рикки мог разобрать человеческую речь и придти на помощь. На первом этаже послышался грохот, потом быстрые шлепки по лестнице, серая морда, снова шлепки. И когда Арника на секунду приоткрыла глаза, ощущая, что ее сознание полностью меркнет, увидела склоненного над нею Рикки и пластиковую бутылку в его зубах. Арника дотянулась до нее, сорвала крышечку и отхлебнула. Еще немного – и приступ покинул ее. Вот тогда она впервые по-настоящему была удивлена своим подопечным, его умом и проницательностью. Рикки принес для нее бутылку воды, которую Арника держала на первом этаже для полива

цветов. Принес безо всяких команд, просто осознав, что его Арнике требуется помощь, и он оказал эту помощь самостоятельно, выбрав из множества возможных вариантов единственно правильный. С тех самых пор между Арникой и Рикки образовалась незримая связь, которая продолжает существовать и по сей день. Теперь Рикки пять лет, и за все эти пять лет Арника ни разу не пожалела, что тогда, в свое время, не отказалась от него, поддавшись уговорам родителей и друзей.

«Все замечательно!» – продолжала размышлять Арника, лежа на кровати в полной темноте. Она слышала, как на первом этаже шумит вода. Должно быть, это Иван забрал с улицы Риккардо, а тот, конечно же, изучил всю грязь на участке и естественно вывалился в ней, привычка, никуда не денешься. И теперь Иван, жалея своего «бельчонка», вытирает Рикки влажным полотенцем и доводит до блеска кафельные полы, в попытках избавиться от грязных следов на нем. «Конечно, все хорошо! Глупая Томка, эти фото из родильного отделения... Что за привычка, едва ребенок появился на свет, тут же его фотографировать и выкладывать фотоотчеты в социальных сетях? Полная Ерунда!» Но сколько ни старалась Арника, ее мысли были прикованы к маленькому голубому свертку, произведенному Томкой. Милый ребенок, такой беззащитный! В сердце кольнуло. Неужели она, Арника, не хотела бы хоть одним глазком взглянуть на свое собственное дитя, узнать в нем черты Ивана, и свои черты тоже? Странно, как же все странно и необычно! «Но нет, – Арника ощупала свой живот, мышцы, которым позавидовали бы даже мужчины, – нет, точно нет, я не готова. К сожалению. Вот если бы сразу, маленького сопящего малыша получить в свои руки, так же как когда-то получила Рикки. А может... Нет, Иван не согласится. Хотя... Рикки сразу принял. И я... С Рикки справилась, вырастила, наверное, могла бы и...»

Арника уже была почти готова произнести вслух, то о чем еще неделю назад даже не думала, как на темной лестнице послышались неуверенные шлепки. «Ой, – спохватилась девушка, – хоть бы не свалился!» И подпрыгнула на кровати, чтобы дотянуться до выключателя и зажечь свет, дабы Рикки не повредил себя в коридоре второго этажа. Или, что не исключено, не врезался лбом в дверной косяк. Шлепки приблизились, замерли. Арника услышала, как волк втягивает носом шумно воздух, в попытках отыскать ее, угадать в какой из спален его Арника. И потом быстро-быстро направился в сторону приоткрытой двери с желтой полоской света. Арника бесшумно рассмеялась. Сердце обдали горячие волны нежности. Еще секунда – и любопытная морда, совершенно счастливая, заглянула в дверной проем, а потом и весь мокрый Рикки. Рикки тоже смеялся, как это умеют делать лишь волки. Идеально белые зубы с голубоватым оттенком ослепили Арнику. Уже пять лет, а она никак не может к ним привыкнуть. Исключение из правил. Девушка распростерла руки, и Рикки бросился в ее объятия. Размером он был с немецкую овчарку, серый, очень стройный, с высокими ногами и необыкновенно выразительной мордой. Уши свисали по бокам. Арника хорошо знала, что так Рикки выказывает ей свое благодушие. Подбежав к Арнике, Рикки тут же вылизал ее лицо своим влажным шершавым языком. Арника расхохоталась в голос: «Что, дружище, тебя отмыли от грязи, так ты и меня решил выкупать, нет уж, отправляйся спать!» И Арника, встав с кровати, обошла ее и постучала по полу рядом. Рикки проследовал за хозяйкой и опустился на пушистый коврик, отведенный специально для него. Через пятнадцать минут в комнату вошел Иван.

– Ну, отыскал свою мамочку? – улыбаясь, обратился он к Рикки. Потом посмотрел на Арнику и закатил глаза: – Видела бы ты, сколько слез было, когда я его пытался отмыть!

– Знаю, Ванечка, что-то, а купаться наш Риккардо не любит! Ну, что, спать?

– Спать, бельчонок, завтра на работу!

Иван разделся, поцеловал Арнику по-отцовски в лоб и залез под теплое верблюжье одеяло. Арника устроилась рядом с мужем. И когда услышала его ровное дыхание, обняла за плечи и уткнулась носом в спину. Навязчивые мысли о голубом свертке продолжали ее мучить. Едва она закрывала глаза, тут же воображала точно такой же у себя на руках. Под дыхание волка

и Ивана Арника незаметно уснула, но только на несколько минут. Потом, проснувшись снова, она не сомкнула глаз уже до самого утра. В голове крутилась тревожная мысль: «А если попытаться, с Рикки же получилось...»

Весь следующий день Арника терзалась навязчивой идеей. Что бы она ни делала, мысль о голубом свертке не покидала ее. Арника включила музыку, выполнила гимнастические упражнения и подошла к зеркалу. Застыв у него, девушка подняла майку и с любопытством изучила свой живот. Две огромные вены вздулись в области паха, Арника ошупала их: «Надо же, а прежде не замечала! А этот пресс, нет, разрушить все беременностью – ни в коем случае! Да и с чего это я вдруг начала думать о детях, прежде они меня не беспокоили. Неужели инстинкт? Но целых девять месяцев. Ой, как долго! Хотя, все можно решить гораздо проще. Дом большой, возраст подходящий, образование. Вот только Рикки...» Риккардо словно почувствовал, что хозяйка думает о нем. Он оставил свой пост возле холодильника и подошел к Арнике. Взглянув на ее живот и отражение в зеркале, волк поджал хвост. Арника опустила перед ним на колени и поцеловала в нос: «Не волнуйся, козявочка, если даже все получится, на тебе это никак не отразится! Ты в моем сердце всегда под номером один!» Волк сложил уши на голове и медленно пошел прочь, показывая всем своим видом, как сильно оскорблен намерениями Арники. Арника поняла, он сердится. Девушка и раньше замечала, что Рикки достаточно одного взгляда, чтобы понять, какие проблемы изводят хозяев. Его пронизательность сводила с ума. Бывали дни, когда Арнике казалось, что питомец смотрит ей прямо в душу или читает мысли. Первое время это ужасно пугало. Она даже в интернете читала, что в большинстве случаев из-за этой экстрасенсорной способности хозяева, впоследствии, и пытаются избавиться от одомашненных волков. Но только не она. С годами Арника начала присматриваться к Рикки и поняла, что есть моменты, когда ему нужно довериться. Вот, например, три года назад, к ней в гости зимой приехала мама, была страшная гололедица. Арника, смущаясь, выставила на стол пиалу с вареньем и две чашки чая без сахара. Мама опешила, сказав, что Арника и без того слишком худая со всеми своими маниакальными правилами в скудном вегетарианском питании, и засобиралась в магазин неподалеку за тортиком. Рикки сидел привычно у холодильника. Мать Арники он принимал всегда тепло, приветственно поднимая кончик хвоста, и, Арника это хорошо знала, считал ее подружкой. Уважения, конечно, особого не было, Рикки мог нагло у нее из сумочки и конфеты взять, и кошелек кожаный, чтобы поиграть, но агрессии он к ней никогда не проявлял, скорее снисходительность. Будто не она была старшей, а он. Рикки, едва мать вошла в прихожую, чтобы обуться, резко сорвался с места, преградил ей путь и, глядя своими желтоватыми глазами в глаза женщины, дважды клацнул зубами. Арника испугалась: «Фу, нельзя, плохой мальчик!» Но Рикки клацнул еще раз. А потом забеспокоился, высоко забросил голову и... завыл. Это было впервые, Арника страшно боялась волчьего воя, ее предупреждали. Но Рикки, сколько жил в семье, никогда не выл. А здесь что-то с ним случилось. «Я же тебе говорила, – с укором взглянула на дочь мама Арники, – упрашивала, нет, ты свою линию гнула, как собачка, как собачка! Вот теперь и получай! Додуматься – волк в доме!» И вышла за порог. А спустя всего двадцать минут, дочь и мать сидели на приеме у хирурга. Женщина и до магазина не успела дойти, как поскользнулась и сломала руку в двух местах. Вот и пронизательность волчьей! После этого как можно не доверять? С тех пор Рикки больше не выл, Арника понемногу успокоилась.

Но в этот день Рикки снова показывал, что еще немного и он возьмется за старое! Уши плотно прижаты к голове, смотрит, будто Арника тайно ела из его миски, и капелька конденсата дрожит в раздутой ноздре. Точно злится на нее! Догадался, потому что душу читает как книгу! Не хочет быть номером один, желает быть единственным. Арника разочарованно вернула майку на место и поплелась следом за волком. Он расположился у холодильника, высоко поднял голову и, глядя в потолок, щелкал зубами.

– Да, брат, – вздохнула девушка, – уж, сколько с тобой бесед проведено, а ты за старое! Нельзя так! Оставь свои зубы в покое. Я же так не делаю!

Рикки округлил глаза, послушался, и его уши расслабились, поползли в стороны.

– То-то же, – расхохоталась Арника, – так гораздо лучше!

Погладив Риккардо по серому лбу и полностью убедившись, что волк спокоен, Арника пошла в гостиную, забралась на диван с ногами и уютно укрылась пледом. До прихода Ивана с работы оставалось еще два часа, к ужину все было подготовлено, дом сиял чистотой, а посему можно было зайти в интернет и выяснить все нюансы процедуры, которая так беспокоила девушку. Набрав в легкие воздуха, Арника взяла планшет и, поколдовав над ним, отыскала сайт центра усыновления. Через пятнадцать минут девушка рыдала, через полчаса ее сердце счастливо трепыхалось внутри, а через два, к самому приходу мужа с работы, она была уверена, что станет матерью чужому осиротевшему ребенку. Непременно это будет девочка-грудничок. И имя у нее будет не менее оригинальное, чем у приемной матери – Даниэлла. Даниэлла Ивановна Светлосанова. Чудо! Арника уже представила себя в роли матери, крошечный сверток на своих руках, прогулки с коляской, розовую комнату в бабочках. Улыбающиеся родственники и она сама – счастливая, изменившаяся, другая. Потом поездки на море. Непременно с Риккардо. Уже сколько их было. Втроем – Арника, Риккардо и Иван! А теперь еще – и крошечная Даниэлла. Арника научит ее всему. Расскажет обо всех чудесах, которые можно сотворить из ракушек, подарит счастливое детство, семью. А потом, когда их с мужем не станет, Даниэлла унаследует все имущество, и благодарно будет приносить цветы двум гранитным плитам на кладбище с одинаковой датой смерти. Потому что они, Арника и Иван, умрут в один день, и это бесспорно! «Благородное дело! – читала Арника на сайте усыновления. – Стань Ангелом. Подари надежду!»

Когда Иван вошел в дом, Арника в нетерпении бросилась ему на шею:

– Ванечка, родной, я так соскучилась!

– Что-то произошло? – не понял Иван и привычно поцеловал жену в лоб.

– Произошло, но это все потом! После ужина приглашаю тебя на прогулку.

– На прогулку? – удивился Иван. – Сегодня так сыро, а у тебя легкие.

– К черту легкие, идем гулять все вместе! Замечательная осень, чудесный октябрь!

– Бельчонок, ты же ненавидишь осень!

– Раньше, раньше ненавидела, а теперь я ее обожаю! Все, ужинать и гулять! Рикки ты готов?

Рикки с укором взглянул на свою маму и щелкнул обиженно зубами.

Арника и Иван не спеша шли по длинной мокрой улице коттеджного поселка, в котором жили. Желтые фонари по обе стороны освещали их путь. Рикки натягивал поводок, Ивану то и дело приходилось его одергивать. Намордник доставлял волку немыслимые страдания, Арника видела это, но по-другому никак нельзя. За все время прогулки они встретили только одного велосипедиста, но хватило и этого. Молодой человек не отличался сообразительностью и назвал Рикки «милрой лаечкой», остановив свой велосипед у самых ног волка. Арника напряглась, так бывало всегда, когда люди проявляли повышенное внимание к ее Рикки, но больше всего она боялась, что прохожие рассмотрят в нем волка, тогда инфаркта не избежать! Увидев колесо велосипеда, блестящие любопытные глаза, волк попытался вывернуться из ошейника и пошалить с глупым парнем. Тот хохотнул и сказал, что более забавных собачек он никогда не видел. Арника похвалила сама себя за намордник, который додумалась надеть на серую морду, потому что знала, в такие приливы любви со стороны прохожих белоснежные зубы Рикки лучше держать взаперти. Когда велосипедист скрылся из поля зрения, растворившись за поворотом в промозглой темноте осени, Арника заискивающе взглянула на мужа.

– Что, бельчонок? – не понял тот. – Ой, боюсь я этого озорного взгляда, неужели новые планы на будущие, снова курсы, или нет, дай-ка подумать, точно, точно, ты решила Рикки на курсы записать?!

– Нет, Ванька, – прыснула Арника, – какие ему курсы? Дело в другом, совсем в другом!

– В чем же тогда? – Иван остановился.

– Ну, давай по порядку. Во-первых, мы с тобой молодцы!

– Молодцы, я это и так знаю!

– Подожди, не перебивай. Молодцы, потому что мы любим друг друга, и еще у нас есть Рикки. Но стоит смотреть в будущее широко открытыми глазами. Дом у нас есть?

– Есть, – подтвердил Иван, не понимая, к чему клонит жена.

– Вот. Правильно. Дом есть. Семья тоже есть. Опыт жизненный есть?

– Есть, – снова согласился муж.

– То-то же, опыт есть. А передать его кому? Умрем, и опыт вместе с нами!

– Белочка моя, какое умрем? Мы еще так молоды!

– Пока молоды! Не успеешь оглянуться, а впереди пенсия и одинокая старость. Понимаешь, к чему я?

– Догадываюсь! – сердито ответил Иван.

– Короче, не хочу кота мучить...

– Какого кота?

– Которого за хвост тянут, и сразу, Ванечка, в лоб – давай ребеночка усыновим!

– Какого ребеночка, Арника, тебе Рикки мало? – Иван рассердился не на шутку.

– При чем здесь Рикки? Девочку, крошечную. Благое дело!

И Арника пустилась в долгий рассказ о том, как она хочет стать мамой, только не биологической, а совсем иной, мамой, которая родила сердцем. Арника говорила и говорила, старясь не обращать внимания на побледневшее лицо мужа, которое не спасали желтым светом даже фонари, она пыталась не смотреть на брови, карабкающиеся по лбу к самой линии роста волос. Арника старалась одним махом высказать все, лишь бы муж ее понял и согласился. Иван, молча, слушал свою жену, не перебивая ее, и это уже было хорошо, но в тоже время он и не кивал головой в такт ее словам, как это бывало раньше, когда Арника рассказывала мужу о своем новом увлечении.

– Ну, не знаю, Арника, – выдохнул Иван, когда девушка закончила свои душевные излияния, – не знаю!

«Сердится, – подумала Арника, – бесспорно. Иван всегда, когда сердится вместо привычного „бельчонок“, зовет меня по имени!» – и опустила глаза на мокрый асфальт. Потом она перевела взгляд на Рикки. Волк внимательно слушал долгую взволнованную речь, а теперь пилил ее сузившимися глазами. «Черт побери! – расстроилась Арника. – Волк – и тот не согласен. Вот мужики, ополчились против меня!» Поймав взгляд своей хозяйки, Рикки клацнул зубами. «Да что это за инопланетяне такие, а не животные, словно мысли мои читает, Даниэлочки еще нет, а он уже ревнует!»

– Арника, не злись! – после паузы продолжил Иван. – Я действительно не знаю, да и мое предприятие сейчас переживает не лучшие времена. Заметила, как снизилась заработная плата? Мне приходится покрутиться, чтобы содержать тебя и Рикки.

– Но мы же не просим многого, я себе ничего не покупаю, а Рикки питается одними овощами!

– Я понимаю, бельчонок, – смягчился Иван, – это вы! И вы, заметь, взрослые. А это ребенок! Знаешь, сколько ему всего нужно?!

– Знаю, – твердо сказа Арника, – но девочки на форуме говорят: «Дал бог зайку, даст и лужайку!»

– О, нет, увольте! – запротестовал Иван. – Я не из тех, кто привык рассчитывать на помощь государства. И эти твои девочки – полные дуры, меньше сиди на своих форумах!

– Иван, зачем ты так? – обиделась Арника. – При чем тут девочки? Просто пойми, мы можем подарить маленькому осиротевшему человеку свою ласку и заботу. Я знаю, ты рос в полной семье, получал любовь обоих родителей. И дом тебе отец помогал строить. Где это видано, парню – двадцать три, а у него коттедж под крышу встал? А я? А я, Иван? Подумай, каково было мне, когда из родителей только мама с бабушкой, и пусть мама в начальниках и семья наша вполне обеспеченная, да только в классе все дразнили байстрючкой, и никто по ушам дать не мог моим одноклассникам. А был бы отец... Поэтому, как ни крути, я тоже сирота наполовину.

Арника знала, это подействует, вот уже и погасли глаза мужа, он задумался. Понимает, как нелегко без отца, потому и попытался всеми силами заменить его.

– Ладно, бельчонок, – махнул рукой Иван, – если ты так решила, я тебя поддержу, чужих детей не бывает! Но почему своего родить не хочешь, точнее, нашего?

– Ванечка, миленький, – обхватила Арника мужа за шею, – почему не хочу, может потом, попозже, сам же говорил о голливудских звездах! Пока просто фигуру портить не охота. А там, глядишь, постарею чуть-чуть, и фигура отойдет на второй план! Своего ребеночка родим, а первый уже большим будет, помощником нам, вернее помощницей! Одно другому не мешает, а усыновление – это благое дело.

– Ладно, – еще раз повторил Иван и потянул жену и волка домой.

И уже входя в дом и пропуская вперед Рикки, Иван вдруг резко остановился. Арника испугалась.

– Ваня, плохо тебе?

– Арника, – серьезно посмотрел муж на свою жену, – ты самое главное упустила!

– Что? – не поняла девушка.

– Рикки, – строго сказал Иван, – Рикки, ты позабыла, он волк, и это может быть опасно!

– Точно, – схватилась за голову Арника, – я действительно не подумала. Но дай мне время, и я найду решение!

В течение двух следующих недель Арника забросила все домашние дела, ее не интересовали ни акварели, ни плетение корзинки из лозы, ни каждодневная гимнастика. Только их будущий с Иваном приемный ребенок. Арника чувствовала, как внутри нее нарастает напряжение и странная неудовлетворенность. Спальни на втором этаже не отвечали требованиям, которым должны были соответствовать в понимании Арники. Она еще неделю назад отыскала необходимые документы, в которых четко прописывались рекомендации к жилым помещениям семей-усыновителей. В идеальном состоянии находилась только та комната, где обитали они с мужем. Две другие комнаты были полупустыми и необжитыми. Раньше в этом не было нужды. Семья вечерами располагалась на первом этаже в гостиной-студии у большого телевизора и жаркого камина, или в просторной кухне, места в которой так много, что легко можно поставить еще и двуспальную кровать. О детской комнате они с мужем даже не задумывались. Иногда Арника входила в комнаты на втором этаже и долго стояла там. Одну, самую маленькую, Арника отвела под свой кабинет, а со второй не знала, что делать. Возможно, она будет предназначена для загулявших гостей, хотя к ним с Иваном и так никто не ходит, а может, Арника устроит в ней оранжерею. Но о детской она никогда не помышляла. А сейчас это стало первой необходимостью. И, как назло, предприятие Ивана претерпевает кризис, а это так некстати! Проблемы, проблемы! Заняться благоустройством комнат – на это не хватит ни сил, ни денег. Да и зачем сейчас насиловать психику мужа, так и спугнуть недолго?! Не он же инициатор усыновления, а она. Поэтому все задачи, сопряженные с непростым, но таким важным делом, придется решать ей самой. Сначала это ужасно волновало Арнику, но к концу второй недели она быстро все решила: «Зачем вообще груднику нужна отдельная комната? Он же

грудник, точнее она, Даниэллочка. Будет спать рядом со мной в нашей спальне, а когда подрастет, то к этому времени и комната оформится. Вот только Рикки, что делать с ним?» Здесь решение тоже нашлось. Арника посчитала, что волка теперь необходимо отучить от второго этажа и коврика у изголовья их супружеской кровати. «Так, так, – рассуждала Арника, – коврик я спущу на первый этаж, устрою его возле лестницы. Волк обидится, конечно, даже разозлится, всю его жизнь мы рядом. Но с другой стороны Рикки умный, очень проницательный, все поймет. И время на это у него есть, а на коврике у лестницы ему не так одиноко будет, потому что он сможет слышать наши голоса! Все вечера мы в гостиной проводим, в спальню перебираемся только на ночь, так что ничего, привыкнет. Месяц, другой и все будет отлично! В коридоре, на втором этаже у выхода на лестницу, мы организуем декоративное ограждение, оно перекроет Риккардо путь на второй этаж, а элементыковки сделают такое ограждение настоящим украшением дома. Спустя время, когда Рикки привыкнет к моей девочке, и Даниэлла получит запах нашего дома, волк свыкнется с новым членом семьи. К моей же маме привязался, привяжется и к Даниэлле!» И перед глазами девушки всплывали великолепные красочные картины, как она кружит с коляской по зеленой лужайке, среди желтых одуванчиков, или под ветвями цветущего сада на своем участке, а Рикки шагает, счастливый, рядом. Или как они с Данечкой делают куличики в песочнице, а Рикки гордо наблюдает за ними. «Моя дочка, моя девочка», – вдохновенно шептала Арника и чувствовала, как сильно любит эту чужую родную кроху, которая непременно появится в скором времени у них с Иваном.

Однажды ночью Арника проснулась от гнетущего чувства, оно походило на беспокойство, тревогу, словно ее ребенок уже есть, он дышит, плачет, подергивает ножками и тоскует. Из-за этого чувства, из-за воображаемой новорожденной девочки, Арника разрыдалась, настолько сильной была ее внутренняя пустота и одиночество. Она поняла, если немедленно не начнет искать свою дочку, то просто умрет. Иван спал очень крепко, а Рикки проснулся, разбуженный слезами своей хозяйки. Он сел напротив лица Арники, его глаза блестели, и девушка даже испугалась. Но Рикки устало положил свою морду на ее запястье и тяжело вздохнул. В этом вздохе было столько боли, словно Риккардо постиг все страдания мира. Арнике стало жаль своего волка, он все понимал, лишь ему известной звериной чуйкой предвидел, что это место рядом с родным телом скоро будет занято.

Проводив Ивана на работу, Арника взяла планшет и начала искать сведения о процедуре усыновления. Большого разочарования девушка в своей жизни еще не испытывала: «Ничего себе! – почти кричала Арника. – Да пока мы все эти бумаги соберем, эти курсы пройдем непонятные, моя Даниэллочка школу окончит! Вот бюрократия! Это же займет целую вечность!» Потом она посетила форум усыновителей, почитала счастливые истории усыновления, порасматривала грустные и веселые мордашки приемных детей и решительно сказала: «Ничего, мы пройдем с Иваном все до конца! Ради нашей девочки!»

Но сколько ни старалась успокоить себя Арника, покой ее игнорировал. Ждать она не любила, не хотела и не умела. Диагноз такой – нетерпение сердца! И, оставаясь верной себе, не дождавшись мужа с работы, Арника самостоятельно совершила первый и очень ответственный шаг на пути к осиротевшей крохе. Она отыскала в интернете номер телефона отдела образования, а именно специалиста по вопросам приемных семей, и позвонила. Трубку сняли сразу. Арника чуть не подавилась своим сердцем, так быстро оно стучало, и ни где-нибудь, а в самом горле. Приятный женский голос поздоровался и поинтересовался, что хочет Арника. Арника все быстро объяснила. Еще с университетских лет осталась эта спонтанная подростковая привычка отвечать молниеносно на поставленные вопросы, если на них готов ответ.

– Кхе-кхе, – закашлялся голос в трубке, – дайте подумать. Ну, вот сегодня у меня есть время побеседовать с вами, в шесть вечера небольшое окно. Приходите, если надумали, обязательно с мужем, я посмотрю на вас! Кабинет номер три.

В трубке слышались короткие гудки. Арника покраснела. Во-первых, это было неожиданно. Во-вторых, она не королева на базаре, чтобы на нее смотреть. В-третьих, и это самое страшное, Иван ничего не знает. Придет с работы еле живой и раздраженный, а она ему в лоб: «Пойдем-ка, любимый, в отдел образования, пусть толстые тети посмотрят на нас и решат, вышли ли мы с тобой лицом, чтобы стать родителями!» А в-четвертых, что есть самое при-скорбное, Арника в такие заведения лет шесть, как не ходила, и надеть по случаю у нее ничего нет, только спортивные вещи для девочек-модниц пятнадцати лет.

Посидев немного в немом оцепенении, стараясь справиться с волной жара, Арника встала и поплелась на второй этаж. Войдя в спальню, она задержалась у окна. С самого утра мелкий дождь дробно наступивал по черному асфальту. Оголенные скелеты ирги жались друг к другу, а в порыве ветра пытались навалиться на мокрый забор и опрокинуться вместе с ним навзничь. Арника такие дни называла бледными: ни красок, ни солнца, ни щебета птиц. «Бр-р-р, – поежилась девушка, – в такую пору куда идти не хочется. Но нужно!» На секунду в душу Арники закрались сомнения, правильно ли она все делает, и действительно ли ей это необходимо. Но быстро совладав с собой, Арника отряхнула глупые мысли с себя, как песчинки надоедливости с загоревшей кожи на жарком пляже. Девушка отошла от окна, задернув занавески, и направилась к гардеробу. Покопавшись в своих вещах, она отыскала юбку-карандаш, в которой бегала на занятия в университете, белый джемпер, колготки и замшевые сапожки. «Так, так, – подумала Арника, осматривая одежду, – если вещички будут мне в пору, то я как минимум сойду на свой возраст, да и статуса они мне прибавят!» Но какое же разочарование испытала Арника, когда, облачившись в одежду и встав перед зеркалом, она увидела, что юбка ей велика, джемпер висит как на огородном пугале, а ноги в высоких сапожках похожи на две тоненькие палочки. «Ого, – округлила глаза девушка, – да я совсем исхудала! В таком образе я похожу на школьницу, собравшуюся на дискотеку в маминой одежде! Ну, да бог, с нарядами. Пластик сверху наброшу и все! Люди разные бывают, и не на всех отыщется нужный размер! И вот еще шарфик на шею повяжу, так элегантнее!»

Не успела Арника завершить свои туалеты, как на первом этаже слышались радостные повизгивания Рикки, шорох и шаги по лестнице.

– Ничего себе! – удивился Иван, входя в спальню в верхней одежде. – Это что за куколка у нас! Я ищу ее на первом этаже у плиты, а она к показу мод готовится? Мы куда-то собрались?

– Собрались, – дрожащим голосом ответила Арника, направляясь в объятия мужа, – нас сегодня ждут в отделе образования. Сейчас я тебя покормлю и нужно идти!

Арника опустила глаза и затаила дыхание, она готовилась к худшему. Думала, что Иван сейчас упрекнет ее в несдержанности, начнет ссылаться на усталость и занятость на работе. Но муж, как ни странно, протестов своих не выказал.

– Догадываюсь, по какой причине нас там ждут! – ответил он. – Ты, как обычно, бежишь впереди паровоза! Что же, сходим. А ужин потом. По какому адресу идти и во сколько?

– Ванечка, спасибо тебе, я думала, не согласишься, – засияла Арника, – к шести часам нас ждут в районном отделе образования, третий кабинет, кажется. Специалист-женщина сказала, что посмотреть хочет на нас. Давай сходим, пусть посмотрит! Это же ни к чему не обязывает!

– Сходим, раз ты все решила, может, трезво взглянешь на действительность!

И мужчина обнял свою жену. Арника прижалась к его груди и поняла, как сильно соскучилась, словно не видела Ивана очень долго, хотя так оно и было, в последнее время ею владели лишь мысли об усыновлении, и она почти перестала смотреть на своего мужа.

Через час супруги стояли возле деревянной двери кабинета номер три на первом этаже здания отдела образования. На блестящей табличке значилась надпись: «Махнонос Людмила Сергеевна. Специалист, координатор работы сектора охраны прав детства». Арника хитро взглянула на Ивана, тот хохотал:

– Ну и фамилия, сама за себя говорит!

– Тише, Ваня, люди смотрят! – давясь смехом, прошептала Арника и перевела взгляд на свои сапожки.

Она чувствовала себя неуверенно в этой одежде. То ли дело спортивный стиль, надежно стоишь на ногах, ничего не мешает, не шатаешься, как коромысло, на высокой шпильке!

Иван, заметив, что жена чувствует себя стесненно, поискал глазами какой-нибудь стул. Но Арника его опередила. В самом темном уголке, возле высохшего цветка в широкой напольной вазе, стояло полуразвалившееся кресло. Арника направилась к нему и махнула мужу:

– Пойдем, Вань, посидим, а то стоять все равно долго придется!

Арника подошла к креслу и опустилась в него. Кресло закрипело, Арника чуть не свалилась на пол.

– Осторожно, – снова расхохотался Иван, – ты в кабинет с фингалом явиться надумала?! Посмотрят на нас, решат, что мы ведем антисоциальную жизнь. Не заметила, что у кресла одной ножки не хватает?

– Заметила! – рассердилась Арника. – Я же не виновата, что у меня коленки дрожат, а единственный нормальный стул занят.

Арника аккуратно пристроилась на уголке кресла так, чтобы своим весом удерживать его в нужной позиции. Иван прислонился к стене рядом и замолчал. Арника понимала, что его смех, веселье напускные. Муж волнуется, а может и вовсе прокликает ее за то, что вытаскала из теплого дома, уставшего и голодного, для того, чтобы торчать под кабинетом номер три, дожидаясь своей очереди. На часах – начало седьмого, а окно, на которое ссылалась женщина-специалист, у нее все никак не возникает. «Придется подождать, никуда теперь не денешься, раз пришли!» И чтобы занять себя, Арника начала осматривать длинный коридор: двери с одной стороны и столы – с противоположной. Всего было три стола, длинных, неуклюжих, с побелевшим от времени и влаги лаком. Они стояли вдоль стены, на которой висели стенды с информацией для посетителей. За одним сидела молодая женщина и что-то писала. Она поднимала глаза на стенды, потом размышляла и делала записи. Второй стол заняли дети, они сидели прямо на его рабочей поверхности и болтали ногами. Мальчик и девочка. На вид лет по семь-восемь. Дети не проронили ни единого слова за все время, что Арника с мужем были в здании отдела образования. А возле третьего, с краю, почти у самой двери, ведущей к выходу из здания, толпилась группа из пяти человек. Трое, две женщины (одна молодая, вторая в возрасте) и пожилой мужчина, стояли близко друг к другу. Можно было заметить, что им неуютно и они жмутся один к одному. Чуть поодаль от них, присев на стол, как и дети, расположились мужчина и женщина. Совсем молодые, но очень неопрятные, растрепанные и нервные. Они вели себя демонстративно и пренебрежительно. В их манере поведения читалось нежелание находиться в этом длинном коридоре и явное несогласие с той ситуацией, в которой они оказались. Женщина что-то бубнила на ухо мужчине, потом она отрывалась от его уха и сердито посматривала то на детей, то на троицу поблизости. И когда она так делала, и взрослые и дети впадали в оцепенение. В какой-то момент молодая женщина потеряла самообладание, прыгнула со стола и решительно направилась к двум женщинам и мужчине, при этом громко ругаясь матом. Казалось, она вот-вот бросится на своих оппонентов с кулаками. Те все втроем как по команде сначала побледнели, а потом начали одними жестами звать детей. Дети моментально покинули свой стол и, опасливо обойдя агрессоршу, быстренько подбежали к пожилому мужчине, прижались к его серой куртке и потупили глаза в пол.

– Ну, что, довольны? – напирала грудью молодая женщина. – Этого вы добивались? Чтобы детки родную мамку стороной обходили?

– Протрезвей сначала! – дрожащим голосом ответил мужчина. Потом откашлялся и продолжил более уверенно. – Не была б ты женщиной, врезал бы хорошенько по твоей дурной башке.

- Чего? – вопила женщина. – Вовчик, а ты что молчишь, а? Почему не заступаешься?
- А я-то что, что я? – мямлил молодой мужчина, оставаясь на поверхности стола. – Что я? Ты эту кашу заварила, а мне-то что, твои же дети! Ну, то есть наши, воспитание твое, что я...
- Что ты... Ничто, все молчишь, паразит проклятый! Деток наших вот эти уроды забрали, а тебе все ладушки.
- Молчи, дрянь! – не выдержала женщина постарше, по всей видимости, жена мужчины в серой куртке. – Молчи. Это мы уроды? Детей твоих растим и мы уроды! Ты хоть раз узнавала о них, спрашивала?
- А когда мне было, эти вот, – молодая женщина махнула головой на кабинет номер три, – заставили работу найти, вот я и работаю! Думаешь, легко тротуары мести? Когда ходить-то, спрашивается?
- Была бы хорошей матерью, нашла бы время! – не унималась женщина.
- Ой, можно подумать! Вы тоже хороши, знаем, знаем мы таких сердобольных, не просто так, а ради денежек!
- Молчи, тварь! – дрожал от злости пожилой мужчина.
- Пап, ну не при детях, – взмолилась молоденькая девушка, которая все это время, молча, наблюдала за происходящим, одной рукой схватившись за лицо.
- А что, доча, не при детях, они еще и не то слышали! Мало ты их по улицам потаскала, – обращался он снова к матери детей, – заставляла, заставляла ведь побираться! Лерочка мне все рассказала.
- Лера, сволочь, я прибью тебя! – кричала женщина, уже адресуя свою злобу девочке. – Посмотри на меня, гадость ты этакая! Когда я тебя, дурынду, попрошайничать заставляла? Молчишь, молчишь, баранья башка?!
- Прекрати немедленно! – прервал пожилой мужчина. – Как тебе не стыдно, это же дети! Вот Лерочка сейчас в хоре поет, Степка на футбол ходит.
- Ха-ха, – надрывалась в истеричном смехе женщина, – Степ, правда, что ли, ты же мало-хольный у меня, а теперь футбол?! Быстро вы у меня переобулись, скоро мамку позабыли...
- Мама, не надо, перестать, нам стыдно! – еле слышно прошептал мальчик.
- О! – подняла указательный палец вверх женщина. – Вспомнил-таки, поганец, что я мамка вам, иудам!
- Ну, не надо, мама, прошу, ну, стыдно! – уже рыдал мальчик.
- Стыдно? Стыдно? Я не ослышалась, тебе за родную мамку стыдно? Дал же мне бог двух уродов! Уроды! А мамка ради вас тротуары метет, уроды! На этих мамку променяли, на конфетки с тортиками?
- Прекрати! – во весь голос кричал мужчина.
- Эта перебранка могла бы продолжаться еще очень долго, но двери кабинета номер три открылись, показалась молодая статная женщина и, приложив указательный палец к губам, серьезно взглянула на скандалистов.
- Тихо, перестаньте кричать! Сидоровы, проходите и садитесь, дети пусть тоже войдут, а вы, мамаша, успокойтесь, не надо делать резких выпадов! Приемной семье вы должны быть благодарны, поэтому давайте тоже ко мне в кабинет на беседу! И сожитель ваш пусть входит, сейчас во всем разберемся, а кричать не стоит, могу и правоохранителей вызвать!
- Да как же, Людмилочка Сергеевна, не кричать? – захлюпала носом мамаша. – Как же, родненькая, не скандалить, когда вот эти...
- Все, заходим, заходим, не задерживаем меня, вон еще посетители... – и Людмилочка Сергеевна обвела взглядом сначала коридор и женщину за столом, а потом перевела взгляд на Арнику, нахмурилась и скрылась в кабинете.
- Уф, – испугалась Арника, – молодая совсем и сердитая, кажется, я ей не понравилась!

– Арника, ты слишком высокого мнения о себе, можно подумать все люди только того и хотят, как оценить твою внешность и решить нравишься ты им или нет! – раздраженно сказал Иван.

– Ой, Ваня, можно подумать, что это не так!

– Нет, не так! Хватит на психику давить и без тебя тошно, ты сказала, что мы пойдем ненадолго, а торчим здесь уже почти час!

Арника не ответила, она отвернулась к стене и стала изучать на ней голубую краску. «Сердится на меня, снова по имени зовет, и даже не пытается скрыть свое негодование. Словно мне одной это надо. Это сейчас он до конца не понимает, каким счастливым станет. Ребенок, живой, это же так замечательно, когда ты своими собственными руками можешь вытащить маленького человека из сиротского будущего!» – размышляла Арника и не заметила, как двери кабинета номер три распахнулись и изрыгнули на свободу взволнованную компанию. Трое шли впереди, обнимая детей за плечи. Они стремительно направлялись к выходу из здания. Двое, растерянных, плелись сзади.

– Чтоб вы издохли! – прокричала молодая женщина вдогонку своим обидчикам, отнявших ее детей.

– И вам того же! – повернула на мгновение свое раскрасневшееся лицо пожилая женщина.

И ровно через две минуты в длинном коридоре не осталось никого кроме Арники и Ивана. Куда подевалась женщина с записями, Арника так и не поняла. Возможно, она приходила лишь затем, чтобы взглянуть на образцы заявлений.

– Входите! – скомандовала приоткрытая дверь.

Арника быстро вскочила, поправила одежду и метнулась к двери. Как вслед за ней шел муж, девушка не видела, страх и волнение переполняли ее. Войдя в кабинет, она рухнула на первый попавшийся стул и только через минуту, когда перевела дыхание, заметила, что Иван сидит рядом, а специалист Людмила Сергеевна важно расправила пышную грудь за своим рабочим столом, вальяжно развалившись в офисном кресле. Арника несмело подняла глаза на нее и быстро, чтобы Людмила Сергеевна не заметила внимательного взгляда, осмотрела. На вид ей было лет двадцать семь. Высокая, плотная, в обтягивающем платье с глубоким декольте. Волосы имели пшеничный оттенок, были густыми и длинными. Черты лица крупные, неброские. О таких говорят: «Милая девушка!» И больше ничего, но именно такие милые девушки очень нравятся мужчинам. В них есть какая-то особенная женская теплота, притягательность. Словно само тело зовет отведать его, как если бы это была свежая ароматная булочка с таинственной начинкой. Кто бы ее ни укусил, всякому придется по вкусу. О себе Арника ничего подобного сказать не могла. Мужчинам она нравилась и очень сильно. «Дьявольски красива», – говорили часто Ивану коллеги по работе, но ни один из воздыхателей не осмелился переступить черту. Была во всей ее красоте неопределенная строгость, которой мужчины боялись. На таких как Арника хорошо смотреть, но никогда не касаться. Как дорогая скульптура и все. А дарить подарки, водить в рестораны и мечтать о страстной ночи – это как раз к таким как Людмила Сергеевна.

Всего нескольких секунд Арнике хватило, чтобы понять, что Людмила Сергеевна ей неприятна, а она, Арника, неприятна Людмиле Сергеевне. Жаль, Иван никогда на подобные вещи и всякие женские штучки внимания не обращает. Вот он уже сидит и улыбается глупой улыбкой пышногрудому специалисту, призванному помочь с усыновлением, и даже не думает поддержать свою жену, хотя бы взяв ее за руку.

– Ну, я слушаю вас, – прервала игру в «гляделки» Людмила Сергеевна, – ребеночка хотите усыновить?

– Да, – твердо сказала Арника, – хотим. И при этом исключительно новорожденную девочку!

– Замечательно! А супруг, вы же супруг? Не против?

– Нет, – покачал головой Иван, продолжая улыбаться.

Людмила Сергеевна перехватила его взгляд на своей груди, слегка покраснела. (Арника догадалась, ей льстит мужское внимание, даже самое нескромное). И для того, чтобы явить зрителю себя целиком и щелкнуть Арнику по носу, она встала, вышла из-за стола и принялась дефилировать по своему кабинету.

«О-о-о, – подумала Арника, наблюдая бесплатный спектакль, – так у нас еще и спасательный круг на талии, как ни втягивай, а все равно видно! Хорошая, должно быть, заработная плата у сотрудников отдела образования. А эти ножки в черных колготках на высокой шпильке, они уж точно за всю свою жизнь ни разу не познакомились с беговой дорожкой или хотя бы с лесной тропинкой. Беда, беда, Людочка. Надо спортом заниматься!»

– Так вот, супруги... как вас там?

– Светлосановы! – подсказал Иван.

– Ага, супруги Светлосановы, сейчас вы запишите, что вам необходимо для начала процедуры усыновления. Бумага и ручка есть?

– Есть, – ответила Арника и полезла в сумочку за своим фирменным блокнотом из белой кожи. «Посмотри и ты, дорогуша, что мы не из челяди!»

– Значит, диктую, а вы госпожа...

– Арника! – снова подсказал Иван.

– Ого! – подняла вверх брови Людмила Сергеевна.

– Ага! – передразнила Арника. «Это вам не какая-нибудь Людочка! Это Арника Эрнестовна! Да, да, милочка, ты еще не так удивишься впоследствии!»

Отец Арники был кубинцем, его, правда, она никогда не знала и не видела, но факт остается фактом. С горячей кровью не поспоришь! Своей яркой внешностью, смуглой кожей, черным волосам Арника обязана отцу. А глаза мамы, синие-синие, огромные как море. Так Иван говорит. У мужа совершенно обычное отчество – Иван Павлович, но, зато, самая великолепная фамилия – Светлосанов, которой он с радостью поделился со своей полукровной женой.

– Итак, Арника... а отчество есть у вас?

– Конечно, Эрнестовна! – и, заметив, что глаза специалиста по усыновлению стали похожи на огромные блины, Арника тихо засмеялась.

Людмила Сергеевна, справившись с полученной информацией, осмыслив ее, взяла себя в руки и продолжила:

– Записывайте, Арника... кхе-кхе... Эрнестовна, первое, с чего вы начнете – это медкомиссия! Придется побегать, предупреждая заранее. Но, таким образом, вы проверите сами себя, готовы ли ради ребенка терпеть неприятные обследования и колесить по всему городу. Обычно медкомиссия занимает месяц. Необходимо пройти всех обязательных врачей, а также сдать анализы крови на ВИЧ, инфекции, передающиеся половым путем, вирусный гепатит С, получить справку из психиатрического диспансера, наркологического диспансера и самое главное – онкодиспансера.

– А онкологический здесь при чем? – не поняла Арника.

– При том, – важно надула щеки Людмила Сергеевна, – чтобы мы знали, что вы не имеете онкозаболеваний.

– Ничего себе!

– А вы не удивляйтесь, думаете легко сироте, которая однажды уже потеряла родителей, снова оказаться в детском доме, потеряв их второй раз!

– Простите, – не согласилась Арника, – это уж слишком, если вы живой человек, то должны понимать, что здоровье – это не константа, сегодня есть, а завтра нет!

– Прекратите! – возмутилась Людмила Сергеевна. – Я просто хочу донести до вас, что, если у супружеской пары имеются онкозаболевания – усыновление невозможно.

– Да что за дискриминация?! – не унималась Арника. – Вы в своем уме? Ну, понимаю, ВИЧ-инфекция, ну, гепатит! А рак, чем помешает это ребенку? В современном мире все лечится! И если у человека есть опухоль в состоянии ремиссии, почему он не может усыновить ребенка? Даже если усыновитель умрет, наследство-то ребенку достанется, в чем проблема?

Людмила Сергеевна сделала вид, что не расслышала свою оппонентку и продолжила:

– Касательно ремиссии, она должна длиться как минимум десять лет и только тогда...

«Ну и стерва же ты! – про себя злилась Арника. – Вот почему именно такие мадамочки занимаются судьбой осиротевших детей?»

– Арника Эрнестовна, вы меня слушаете? – повысила голос Людмила Сергеевна. – Кажется, у вас давление повысилось! Кстати, с гипертонией тоже нельзя!

«Ах, да не пошла бы ты к черту! – негодовала Арника. – Интересно, детей вы тоже так проверяете?»

Людмила Сергеева словно прочла мысли Арники и подытожила:

– Не расстраивайтесь, точно такую же медкомиссию проходят и дети перед усыновлением. Следующим шагом будет сбор всех необходимых документов относительно вашего жилого помещения. Нужно взять справочку из пожарной охраны, также снабдить жилье автономными пожарными извещателями. Далее вам придется взять справку из суда, о том, что вы оба не судимы, и взять справку из отдела внутренних дел, о том, что не привлекались – это второе. Ну и третье, самое последнее и, наверное, самое приятное: необходимо пройти курсы будущих родителей. Они проводятся в реабилитационном центре нашего города. Там вы прослушаете курс лекций, пройдете тестирование и собеседование у психолога на готовность стать усыновителями. После всего психолог напишет свое заключение. И вы со всеми собранными документами явитесь ко мне. Если ребенка мы не сможем подобрать в нашем районе, тогда я направлю вас в центр усыновления...

– Скажите, – перебила Арника, – это же все очень долго?!

– Да, не быстро! В целом вся процедура занимает полгода. Ну, и подбор ребенка еще примерно год! Многое от вас зависеть будет, если не очень привередничать, то есть все шансы усыновить ребенка в течение месяца после курсов приемных родителей.

– Ничего себе! – присвистнул Иван.

– А что вы хотели, – ласково улыбнулась ему Людмила Сергеевна, – все семьи стремятся заполучить грудника. В вашем случае еще сложнее, вы хотите новорожденную девочку, а это очередь. Придется ждать! На детей трех-пяти лет ее нет, ну, и на инвалидов, конечно. Кстати, совсем недавно родилась великолепная девочка, отказничок. Правда, с тугоухостью. Если поторопитесь со справками и медкомиссией, она может стать вашей! Ну, а курсы после пройдете!

– Как? – удивился Иван. – Вот так сразу бери и усыновляй, даже не взглянув на ребенка?!

– Милый мой будущий папочка, – почти напевала Людмила Сергеевна, – в таком деле, когда есть совершенно очаровательный грудничок, никто на знакомства не ходит. Берите то, что дают, это же девочка! Девочка, вы понимаете меня?! И что на кроху смотреть, она все равно еще ангелочек. А вырастет, станет на вас похожа. Это закон!

«Девочка? – подумала Арника. – С больными ушками? Она недавно родилась! Может, это и есть моя Даниэллочка?! Может, это она зовет меня ночами, чтобы я поскорее забрала ее?»

Как Арника очутилась на улице, она не помнила. В голове молотило. «Не может быть сомнений, – дрожала Арника, – это моя девочка, она снилась ночами, она беспокоила сердце. Я ее почувствовала, душой поняла, как одиноко ей среди холодных больничных стен, когда рядом нет мамы. Как может женщина бросить свое дитя? Неужели у нее хватает сил, оставить свою крошку в одиночестве? Стоп, – вдруг опомнилась Арника, – это я? Это мои мысли? Это все со мной на самом деле? Инстинкт, материнский инстинкт проснулся! Раньше меня не волновали подобные вещи, а теперь...»

– Ванечка, – подняла Арника глаза на мужа. Он стоял рядом и тоже над чем-то раздумывал.

– Да, бельчонок.

– Миленький мой, родной, давай заберем эту девочку с ушками.

– Как ты ее назвала? – умилился Иван, который и раньше больше других мужчин испытывал жалость к любым проявлениям слабости.

Иван жалел больных, беззащитных, слабых, искалеченных. Он даже однажды мужчину, потерявшего сознание на улице, тащил на своих плечах, так и не дождавшись скорую помощь, хотя тот был в два раза больше Ивана. А здесь грудничок, никому ненужный, да еще с тугухость!

– Девочка с ушками, – повторила Арника и на ее глазах появились слезы, – я все, все для тебя сделаю, прошу тебя!

– Бельчонок, я совсем не против, у меня тоже сердце сжалось. Но с другой стороны мы же ее даже не видели. Вдруг, она темнокожая?

– Ванечка, ну и пусть, какая разница, я не собираюсь делать секрет из усыновления! И подушку под куртку тоже пихать не стану! Здесь важно то, что человек родился, пришел в жизнь, в которой его никто не ждет. Понимаешь, если он матери не нужен, то как жить ему?

– Арника, – прервал муж, – послушай меня внимательно! В этом деле спешка – не лучший помощник. Нужно действовать поступательно. Давай сначала пройдем медкомиссию, потом соберем необходимые документы...

– А потом, если она нас дождется, мы заберем ее, правда?

– Правда, заберем девочку с ушками, – снисходительно согласился Иван.

Арника бросилась на шею мужу и принялась его зацеловывать. И только сейчас, подняв лицо вверх, она заметила, что на улице сильный дождь, и они с Иваном промокли до самого нижнего белья.

– Побежали на остановку! – расхохоталась Арника.

– Побежали! – поддержал Иван.

И они, взявшись за руки, как школьники, понеслись по лужам, не жалея свою дорогую обувь.

Уже в супермаркете Арника поняла, что этот вечер и воображаемая девочка с ушками перевернули весь ее привычный мир. Раньше, она непременно задержалась бы возле полок с шоколадом, а сейчас прошла мимо и направилась в отдел игрушек.

– Бельчонок, погоди! – не поспевал за женой муж. – А как же шоколад, ты позабыла?! Хорошо, что у тебя есть я, смотри какая вкуснотища! С карамелью и молоком, для мозговой активности полезно!

Иван покрутил перед носом жены длинной плиткой шоколада в желтой упаковке. Арника сморщилась:

– Иван, отнеси туда, где взял, мне сейчас не до сладкого! Ты лучше взгляни, какой медведь очаровательный! Давай его купим для девочки с ушками!

– Мы не можем его купить, у нас сейчас не самые лучшие времена! – твердо сказал Иван и отправил плитку шоколада в корзинку, которую Арника держала в руке. – Ты взрослый человек и должна понимать. Эта игрушка стоит целое состояние, а нам еще по счетам платить. Никак, Арника, не получится!

– Ну, пожалуйста, Ванечка, давай сэкономим на мне, но обязательно купим этого мишку, умоляю!

– Нет, – уже сердился Иван, – нет, и все, это слишком дорого! Мне тебя кормить надо и Рикки, и вообще проблем хватает. Перестать, не мучай меня своей инфантильностью!

– Да? – обиделась Арника. – Выходит, я тебя мучаю, а раньше ты был не против поиграть в папочку, что же с тобой случилось...

– То и случилось, если ты решила стать приемной матерью, пора взрослеть! Все, Арника, твое детство закончилось! Ты сама этого захотела. Становись, наконец, взрослым человеком и пойми, теперь не только о тебе должны заботиться, но и ты, слышишь? Ты тоже должна!

– А я не забочусь? О тебе, о Риккардо!

– Заботишься, о нас ты заботишься! Но нужно заботиться и о себе тоже. Взгляни, какая ты худая! Иногда мне страшно смотреть на твои кости!

Арника не ответила. Она коснулась уха огромного медведя, который все это время бездушно рассматривал супружескую сцену, и выхватила из груди игрушек и различных принадлежностей для грудников погремушку.

– Надеюсь, против нее ты возражать не станешь? – тряхнула длинными, черными, как смоль, волосами Арника и направилась к кассам.

И снова понеслись, побежали круговоротом дни, как тогда, когда на руках Арники оказался Рикки. Только сейчас все было совсем по-другому. Здесь решалась судьба уже не волчонка, а настоящего человеческого детеныша, оставленного не где-нибудь в лесу, а в больничной палате, и не по причине гибели родителей, а по причине мертвого каменного сердца роженицы. Как же Арника страдала все эти дни! Казалось, веренице дней, наполненных ожиданием, страхом и стыдом, не будет конца. Не будет конца коридорам, кабинетам, чиновникам, врачам, отказам, мольбам и подписям. Она совсем позабыла о себе. Тело становилось тоньше, сил все меньше. Было какое-то странное ощущение собственной отчужденности, будто Арника больше не принадлежала самой себе, будто она не принадлежала и мужу с Рикки. Арника безмолвно наблюдала, как непросто дается Ивану процедура усыновления, но она не решалась заговорить с ним на эту тему. Впервые супруги страдали поодиночке, сносили все испытания тихо, терпеливо, но никак не поддерживая один другого. Иван без объяснения причин отпрашивался с работы, бежал в поликлинику вместе с Арникой к узким специалистам, простаивал рядом с ней в очередях, сдавал анализы и молчал. Молчал он и на работе, так и не решившись рассказать коллегам о том, что готовится стать усыновителем. Арника тоже молчала. Муж хотел, чтобы она повзрослела, и она решила оставить свой звонкий щебет в прошлом. Все мысли были только о Даниэллочке. Арника сама себя не узнавала. Неужели она вообще была готова к таким жертвам? Но больше всего беспокоил Рикки. Он чувствовал, понимал, что в семье скоро появится новый член, и потому начал преследовать Арнику повсюду. Где бы она ни находилась, желтоватые глаза Рикки следи за ней. И когда Арника не выдерживала пытливого взгляда, она бранила Рикки. Тот щелкал зубами и выходил из комнаты. А потом снова возвращался и снова упрекал ее взглядом. Однажды Арника не совладала с собой и шлепнула Рикки по спине. Он обиделся надолго и почти целую неделю игнорировал ее. Арника страдала. Заслужить былое доверие волка было не так-то просто. Еще масла в огонь подливал и муж. Однажды он пришел с работы и заявил:

– Арника, я долго думал и решил, если мы заберем девочку с ушками, Рикки в доме не место! Пускай сейчас на дворе поздняя осень, но я буду строить вольер!

– Что? – испугалась Арника. – Какой вольер, ты с ума сошел? Он погибнет в нем. Так нельзя! Ты знаешь, что Рикки запросто подкопается, чтобы сбежать...

– Ничего, я все забетонирую!

– Иван, нельзя, Рикки все чувствует, он слишком ранимый. Если убежит в лес – погибнет, понимаешь?! Мы же его сделали совсем домашним! Как ты себе все представляешь, не это ли предательство?

– А о чем ты думала, Арника, когда начинала процедуру усыновления?

– Думала о сиротах! Рикки зачем трогать?

– Затем, что придется выбирать или ребенок или Рикки, поняла?!

– Не изводи меня, я не могу выбирать! – плакала Арника.

– А придется!

– Прекрати! – кричала через слезы Арника и задыхалась, чувствуя, как былой спазм в горле возвращается. (Только случись сейчас очередной приступ, принесет ли волк снова воды, или он никогда ее больше не простит и пожелает смерти?) – Рикки не будет жить в вольере и все тут, я не предаю его!

– Только не забудь об этом Людмиле Сергеевне сообщить! – ранил жену каждым новым словом Иван.

– О, Боже! Да пошла она к черту и ты, если хочешь, с ней туда же отправляйся! У нее грудь пятого размела, бока и живот как подушки, не то что у меня, одни кости! Ничего сообщать ей не буду, понял?! Она даже не спросила, есть ли у нас домашние животные. А раз не спросила, то почему я должна ей об этом рассказывать? Может, ты постарайся в приватной беседе, предашь и меня и Рикки, Людочка будет только счастлива! Я все поняла, глаза на правильном месте находятся!

– Арника, лучше замолчи! – кричал на весь дом Иван.

– Сам замолчи! – хлопала носом Арника.

Это был первый масштабный скандал за всю историю супружеской жизни Арники и Ивана.

На следующий день, вечером, Арника и Иван извинились друг перед другом, и казалось, конфликт остался в прошлом, но непонятная отрешенность появилась в отношениях. Горький осадок от обидных слов и обвинений. Арника не хотела уличать мужа в измене, он не был способен на нее. Да, смотрел на женщин, оценивал, будто сравнивал одну с другой. Но никогда не ставил вровень с ними Арнику, она для него была божеством, идеалом. И про кости сказал тогда не со зла, это тоже Арника понимала, а лишь для того, чтобы она поберегла себя, потому что действительно начала таять на глазах. Да и как здесь не растаять, когда она забывает о существовании еды? Все правильно, все верно, но от холода некуда деться, негде спрятаешься и нечем согреться. Словно они с мужем рядом друг с другом и в то же время растянуты по разным полюсам. Причем Арника находится в холодном плену, заметенная снегом по самую макушку, не может даже пошевелиться, а муж еще борется, сопротивляется неведомой силе, которая вторгается в их семью. И делает он это через обвинения и упреки, через молчание и долгие немые взгляды. Действительно, с началом процедуры усыновления возникло тихое присутствие кого-то третьего, и этот третий медленно вползает в дом, заполняет все пространство, владеет ситуацией и встает стеной между двумя близкими людьми. Не спасали ни вечерние посиделки перед камином, ни шахматные партии, которые так обожали Арника и Иван, ни прогулки с Рикки по ночным улицам. «Странно, – рассуждала Арника, – что с нами стало, неужели маленький человек, которого еще даже нет в доме, так повлиял на двух взрослых людей, вытащил из самых глубин наши измененные качества? А думалось, мы прекрасная пара, столько лет вместе – и полное взаимопонимание!» Где-то глубоко внутри Арника чувствовала, что обретенный покой в семье напускной, какой-то искусственный, не ровен час, и все недобрые эмоции выбросятся наружу, разрушат семью. И тогда она увидит, что десять лет совместной жизни были фальшивыми, ненастоящими, глупой игрой в притворство! Может, это случилось бы и раньше, если бы семья столкнулась с серьезными трудностями, но трудностей, как ни странно, в их жизни не было. Были задачи. А любые задачи Арника и Иван решали совместно, упорно не называя их проблемами, и всегда находили правильный выход из затруднительной ситуации. Но здесь, на ровном месте, споткнулись. И об что?

Постепенно Арника начала винить саму себя. Она чувствовала вину перед мужем и Рикки, и еще вина ее заключалась в том, что не могла быстро подстраиваться под изменение окружающего мира. Ведь ничего еще не произошло, а она сама себе чужая. Даже у доктора в кабинете... Когда тот попросил ее раздеться, Арника стояла как истукан и чувствовала себя виноватой. Перед кем? За что?

– А что же ты, красавица, своим деткам жизнь не дашь? Смотри, какие ровненькие получились бы! Смугленькие! Эх, загляденье! Бедра, конечно, узкие очень, без помощи можешь и не разрешиться. Так сейчас разве беда это?

– Простите, – извинилась Арника.

– За что? – не понял доктор.

– За моих смугленьких, за бедра узкие, за то, что без помощи не смогу...

И наспех одевшись, Арника выскочила из кабинета, молясь о своих нерожденных смугленьких и страшась прикоснуться к своему телу, которое так бесстыже рассматривал доктор.

Невыносимое чувство вины усиливали и родственники. Едва Арника и Иван признались им в желании стать усыновителями, как родители мужа молниеносно окрестили их святыми, при разговоре с парой хватались воодушевленно за грудь и смотрели поверх их голов, как если бы там, чуть выше макушек, появились нимбы.

– Благородное дело, сын! – твердо произнес отец Ивана слова, которые в последнее время начали казаться Арнике приторными, и пожал руку. – Дерзайте, мы поддержим! Это правильное решение! А потом и свои пойдут. Худая она у тебя, корми лучше! Потому и детей нет пока.

– Пап, да мы можем родить, – смутился Иван.

– Ну, конечно можете, – покрутил седой ус отец Ивана, – но поправиться ей не помешает, уж больно прозрачная! Эльф какой-то или фея... Дом вон какой мы, сынок, отгрохали, ты один у нас с мамой! Потому детки нужны, чтобы нас, стариков, порадовать. А уж чьи они, значения не имеет, вырастите, станут вашими!

Мама Арники тоже поддержала дочь и была рада не меньше родителей Ивана и не меньше их считала дочку с зятем святыми. Эта надуманная святость, разговоры полупшепотом, взгляды, которые обычно адресуются иконам, сводили Арнику с ума, умножая чувство вины до такой степени, когда хочется вырвать сердце и бросить его живым пульсирующим куском плоти людям под ноги, лишь избавиться от гнетущего чувства.

Через два месяца всевозможных проверок жилого помещения супругов, хождения по врачам и кабинетам начальствующих лиц, Арника и Иван собрали необходимые документы. Пройдя все инстанции, супруги получили зеленый свет на усыновление ребенка. Причин для отказа и быть не могло. Дом большой, пожарные извещатели в наличии (Арника постаралась), комнат много, семья успешная, хотя будущая мамочка могла бы и работу иметь, а не просиживать без дела, но дохода мужа вполне хватит и на содержание нового члена семьи, это справка с работы подтверждает. О существовании домашних животных опять никто так и не поинтересовался, поэтому Арника предпочла промолчать. Даже тогда, когда к ним в дом заявила комиссия с проверкой. В это время Рикки тихо сидел, запертый в гараже, и не издал ни единого звука. Арнике даже вдруг захотелось, чтобы волк напомнил о себе, повизгиванием или воем, и тогда бы она сразу сказала всю правду, но волк молчал, как и его хозяйка. А значит, не было нужды признаваться в том, о чем никто не спрашивает. Состояние здоровья супругов оказалось удовлетворительным, ни отклонений, ни противопоказаний, поэтому дело осталось за малым, навеститься в отдел образования к Людмиле Сергеевне, справиться о судьбе девочки с тугоухостью и пройти курсы будущих родителей.

Незаметно для Арники и Ивана семейные отношения стали налаживаться. Бури поутихли, супруги медленно сживались со своими новыми ролями и понемногу оттаивали. Они, как в былые времена, начали проявлять повышенную ласку к Риккардо, нежность друг к другу. Этому способствовали совместные покупки детских принадлежностей, бутылочек, пинеток, памперсов и погремушек. Сначала Иван ужасно противился посещать отделы детских товаров, но не случайно же Арника получила юридическое образование! Она могла быть очень убедительной, если возникала подобная необходимость. И постепенно, под напором собственной жены, Иван свыкся. Сам не заметил, как пробежки по магазинам стали приносить тихое удовольствие. Службное положение Ивана тоже наладилось, предприятие функционировало

в полную мощь. Иван стал весел, легок на подъем, начал шутить. Здесь уже не возникало сомнений в его искренних желаниях подарить семью осиротевшей девочке. Арника видела, муж готов к этому непростому шагу, и, может быть, побольше, чем она сама. Сотрудники мужа неожиданно узнали о его высокой цели и, посоветовавшись, подарили будущим родителям прогулочную коляску и смешную детскую кровать, которую Арника тут же пристроила в спальне с противоположной стороны от супружеского ложа.

– Так я всегда смогу следить за ребенком! – заявила Арника, меряя просторную комнату на втором этаже шагами. – Смотри, Даня станет постарше, проснется ночью, захныкает, а я тут как тут! Стоит лишь голову от подушки оторвать – и наша девочка передо мной, как картинка! Ровно тринадцать шагов до нее!

Иван улыбался:

– Да, она будет такой же картинкой, как и ты, и таким же великолепным математиком! Все люди измеряют пространство метрами, а ты шагами!

– А я шагами! – хитро взглянула на мужа Арника. – Потому что я не все! Я – другая!

В водовороте событий, которых было в сто крат больше, чем за десять лет супружеской жизни, размеренной и спокойной, Арника уже почти позабыла, что всего два месяца назад они с мужем сердились и устраивали скандалы. Муж тайно от нее купил несколько книг об усыновлении, и когда жена засыпала, почитывал их при свете ночной лампы. К тому же и поведение Рикки успокоило мужа. Он рассчитывал на его несогласие при переселении на первый этаж, но нет, волк, на удивление, принял все бесстрастно, и внешне казался Ивану более чем дружеским. О вольере Иван больше не заговаривал, и это радовало Арнику. Она, затаив дыхание, наблюдала за происходящим, боясь сделать хотя бы один неловкий шаг, чтобы не потревожить семейную идиллию. А в то, что Арника могла ударить Рикки, вовсе перестало вериться. Чувство вины, конечно, никуда не делось. Оно не отпускало, мучило бессонными ночами. Что бы Арника ни делала, вина всегда была ее неизменной спутницей. «Ну почему, – задавалась одним и тем же вопросом девушка, – в чем и перед кем я виновата?» – но так и не находила ответов. Иногда Арника думала, что горюет исключительно из-за своего волка. Возможно, так оно и было. Потому что гнетущее чувство усилилось тогда, когда Арника переселила Рикки на первый этаж, а в супружеской спальне на месте Рикки и его игрушек, которыми Арника задарила своего любимца, появилась прогулочная коляска, наполненная плюшевыми медведями, ползунками и погремушками. И все это в преддверии Нового года. Не гирлянды, не хлопушки, а детские принадлежности!

Однажды в огромном торговом центре, пропитанном запахами еловых веток, кофе, булочек с корицей, в суете головокружительных предпраздничных распродаж, Арника стояла одна посреди отдела детского питания и вертела в руках коробочки со смесями. Она даже не заметила, как сзади подошла продавщица:

– Могу я вам помочь? – спросила та.

– Нет, не знаю, – ответила Арника, – мне нужно питание для новорожденных.

– Сколько месяцев от рождения? – поинтересовалась продавщица.

– Два, нет, не два, три или четыре...

– Вы не знаете, когда ребенок родился?

– Не знаю, кажется, три месяца назад...

– Это не ваш ребенок?

– Мой, нет, не мой, но...

– Послушайте, девушка, – снисходительно улыбнулась продавщица, – если ребенок не ваш, то такими вопросами, как первый прикорм, пусть лучше займутся его родители, а вы купите младенцу игрушку хорошую.

– Игрушки у нас уже есть, – ответила Арника и выбежала из отдела.

Когда вечером за просмотром кинофильма Арника рассказала о неудачном шопинге Ивану, тот рассмеялся:

– Бельчонок, ну скажи мне, зачем тебе вообще понадобились смеси?

– Все просто, Иван, – возмущенно ответила Арника, – когда мы ее заберем, должны же хоть чем-то накормить!

– Вот когда заберем, тогда и думать будем!

– Тогда, Ванечка, может быть поздно, это же ребенок, ему не объяснишь, что он должен потерпеть, пока папочка сбегает в магазин и купит смесь, это же не... – Арника остановила сама себя. – Ты, Ванечка, смотри фильм, я на второй этаж схожу.

– Снова отправишься пеленки перекладывать? Давай лучше елку поставим, а то все некогда.

– Обязательно поставим, обязательно! – грустно улыбнулась Арника и пошла по лестнице.

Рикки внимательно следил за ее движениями, пристроив голову на первой ступеньке. Арника поймала его взгляд и резко отвернулась в сторону, чтобы не делать себе больно.

«Бедный мой волк! – думала Арника, стоя у окна супружеской спальни. Крупные хлопья снега медленно парили в желтом свете фонаря. – Новый год, мой самый любимый праздник, а торжества внутреннего совсем нет. Странная пустота. Эх, скорей бы забрать Даниэллочку! Успеть бы к Новому году! Вот только Рикки... Да, груднику не объяснишь, чтобы тот подождал, ребенок не поймет. А Рикки... Этот все понимал всегда. Вот и сейчас. Что стоит ему просто встать на крепкие высокие ноги и пойти следом за мной? Но нет, лежит, ждет. Принял ситуацию как свой собственный приговор. Ох, Арника, Арника, правильно ли ты все делаешь?» Арника чувствовала себя разрезанной пополам. Одна ее часть хотела немедленно, сиюминутно, забрать домой новорожденную девочку с ушками. А вторая часть жалела Рикки, протестовала. Против чего, против кого? Конечно, не против грудника! А против самой себя. Против новой себя! Разве это она? Спортом больше не занимается, грызет себя изнутри, на Рикки боится взглянуть! Да и внешне на беременную стала похожа. Нет, не поправилась, но лицо как-то изменилось, отекло, в движениях появилась неспешность, и ходит она теперь медленно, тяжело переставляя ноги, как утка. А с другой стороны, что в этом страшного? Муж в книге своей читал, что так бывает с усыновителями, а у некоторых женщин даже молоко грудное появляется. Чудо! Поэтому, рассматривая себя в зеркале, Арника решила даже не расстраиваться, тридцать лет, это лучшее время для перемен! И семью ребенок укрепит, им давно пора с Иваном взрослеть, а то ведь целых десять лет живут как молодожены только для самих себя, эгоизм самый настоящий! А Рикки привыкнет! Куда он денется?!

Арника тряхнула волосами, будто этим движением блестящих вьющихся прядей сбросила с себя тоску. Потом она зажгла свет и придирчиво осмотрела комнату. Все полностью готово, Даниэллочка будет здесь счастлива. Одежда приобретена. Игрушки тоже куплены. Кровать, застеленная розовым покрывалом в рюшах – настоящее украшение комнаты. Над ней картина с магнолиями, выполненная в дымчато-персиковых тонах. А по стене летят бабочки. Их Арника своими руками сделала. Да и дышать в комнате ребенку легко будет! Три огромных окна. Полупрозрачные газовые занавески песчаного цвета для летнего настроения даже зимой. Вдоль стен напольные горшки с редкими растениями. Даже южанка-пальма есть, особая гордость Арники. Она привезла ее крошечной веточкой с моря. Никто не верил, что приживется. А она прижилась, дала крепкие корни, широкие листья и сейчас достает до потолка. Пальму Арника расположила рядом с детской кроваткой, так Даниэллочке любопытнее будет. Пусть маленькая привыкает с детства к красоте, к заботе о живом.

«Все полностью готово! – потеряла руки Арника, изучив каждый сантиметр комнаты. – Хватит ждать! Завтра пойдем в отдел образования! Даниэллочку из медицинского заточения освобождать! Ох, как же волнительно это все! Неужели я стану мамой?!»

Следующим вечером супруги, захватив с собой пухлый портфель, в котором ждали своего часа собранные документы, ступили на порог здания отдела образования. Кабинет номер три встретил их приоткрытыми дверями, в коридоре не было ни единого человека. Только одержимый усыновлением мог решиться на посещение Людмилы Сергеевны за два дня до самого главного зимнего праздника.

– К вам можно? – просунула Арника осторожно голову в кабинет специалиста по усыновлению.

– О-о-о, – протяжно вздохнула Людмила Сергеевна, узнав посетительницу, – госпожа Светлосанова, собственной персоной! Входите, конечно, надеюсь, вы с супругом?

– Ага, как же без него? – съехидничала Арника. – Как знала, что вы спросите, как знала!

И Арника, ухватившись одной рукой за карман Ивана, шагнула в кабинет, увлекая мужа за собой.

В кабинете ничего не изменилось, кроме гирлянд, появившихся в районе потолка, и огромной кучи коробок, елочных шариков и упаковок с памперсами в углу. Людмила Сергеевна перехватила взгляд посетительницы и поспешила ответить:

– Вот, видите, как мы стараемся?! Это подарки для опекунских семей на Новый год. Не все родители еще пришли за ними!

– Не все? – подняла удивленно бровь Арника. – Интересно! Когда же они их заберут, если до праздника меньше двух дней?

– Заберут, это не ваша забота. Так, документы принесли?

– Принесли, – подал голос Иван и полез в портфель.

– Очень хорошо, вы вовремя, так как завтра я не работаю, а после праздников у меня две недели отпуска. Если это так можно назвать. Еду с детьми в Италию.

– У вас есть дети? – не понял Иван.

– Нет, конечно, что вы, какие дети? – кокетливо ответила Людмила Сергеевна и ненароком коснулась пышной груди, которая на этот раз почти вываливалась из декольте. – Конечно, нет у меня детей. Я еще слишком молода и не замужем!

«Эту информацию ты, Людочка, могла бы утаить, для нас она совсем не важна!» – подумала Арника. И, взглянув на Людмилу Сергеевну, не удержалась от вопроса:

– А тогда с какими же детьми вы отправляетесь в столь увлекательное путешествие?

– С детьми из опекунских семей! – почему-то покраснела Людмила Сергеевна.

– А что же их родители?

– Ой, им не до поездок! Семьи-то раздутые, не по одному же ребенку! В некоторых по пять, по шесть. А едут только малыши, я их сопровождаю!

– Понятненько! И кто финансирует? – не могла успокоить свое любопытство Арника.

– Как кто? – выпучила глаза Людмила Сергеевна. – Государство, конечно, и это тоже, – показала она пальцем на коробки в углу.

– Да, дорого вы государству обходитесь! – снова съязвила Арника.

– А что поделать, дети! Они сироты, вот мы и печемся о бедняжках из последних сил!

«Говорящая фамилия у леди, – подумала Арника, – что Махнонос, то Махнонос! Влезла по самые уши в государственные денежки, теперь точно не оттащишь! Самая настоящая пожирательница детских пособий! Работают же такие! Может, я ошибаюсь, но вернется она из Италии вся в золоте, как новогодняя елка, и с безупречным загаром! А детишками, уж точно, заниматься не станет, переложит ответственность на итальянские семьи!»

– Ну, впрочем, речь сейчас не обо мне, – продолжала Людмила Сергеевна, – давайте документы, я взгляну на них, и если все хорошо, подошью к делу. Кстати, курсы начнутся десятого января. Вот визиточка, созвонитесь и отправитесь на первое занятие. Советую не пропускать!

– Стойте, – вдруг опомнилась Арника, – какие курсы, а девочка с ушками, Данечка наша, вы же сами говорили?!

– Какая девочка с ушками? С какими еще ушками? – не поняла Людмила Сергеевна.

– Грудничок с тугоухостью, – подсказал Иван и протянул документы.

– О, отлично, – переключилась на бумаги Людмила Сергеевна, – сейчас я все проверю, сопоставлю, а потом отвечу на ваши вопросы, дайте мне пару минут тишины, не хотелось бы допустить ошибки, которые окажутся в вашем личном деле усыновления. Помолчите, ладушки?

– Ладушки, – поддержал специалиста Иван.

Арника почувствовала, как по спине текут крупные капли пота. «Что-то она юлит, что-то здесь не то! Неужели... Так, успокойся, все хорошо, нужно просто подождать несколько минут!» – судорожно думала Арника, стараясь унять собственное волнение. Это плохо получалось. Девушка ерзала на стуле и проклинала Людочку за медлительность. Иван заметил, Арника настолько встревожена, что сейчас задохнется, и погладил ее по плечу.

– Возьми себя в руки, белочка! Всего несколько минут ожидания, окей?! – прошептал он на ухо жене.

– Окей, – ответила Арника.

Людмила Сергеевна подняла глаза на супругов и снова проявила свое обольстительное женское кокетство:

– Кто бы мне так на ушко шептал? Эх, любовь, любовь... Вам, Арника, кхе, кхе, Эрнестовна, очень повезло, самый жирный ломоть урвали!

– Странные у вас сравнения! – чуть не подавился воздухом Иван.

– А что странного? Это комплимент для вас! Такой мужчина – лакомый кусочек! Ну, да ладно! С документами все в порядке, вы допущены к усыновлению. Пройдете курсы, они длятся два месяца, получите заключение психолога, принесете мне, и начинаем подбор ребенка!

– Подождите, – не выдержав, перебила Арника, – какой подбор? Мы хотим забрать девочку с ушками, исключительно ее!

– Я поняла вас, – взяла слово после некоторой паузы Людмила Сергеевна, – девочку с тугоухостью вы хотели.

– Нет, не хотели, а хотим по сей день! – включился в разговор Иван.

– Я еще раз повторяю, – продолжила Людмила Сергеевна, – я все поняла, но ее уже нет.

– Как нет, – почти кричала Арника, – она умерла?

– Ха-ха-ха, – трясла пышной грудью Людмила Сергеевна, – зачем вы глупости говорите, усыновили ее!

– Я не понял, – возмутился Иван, – как усыновили? Мы хотели забрать грудничка, уже все купили для нее, комнату обустроили, вы шутите?

– Нет, я никогда не шучу! – уже совершенно серьезно ответила Людмила Сергеевна. – Усыновили и все тут. Это конкуренция. А как вы хотели? Пришли усыновители, у них все документы на руках, курсы, заключение психолога. Я не могу им помешать! Они опередили вас. Здесь так, кто успел тот и съел!

– Это вы о ребенке, как о пирожке с мясом? – рассердился Иван. – Посмотрите на мою жену, она почти плачет, зачем вы нас дурачили?!

– Успокойтесь, – смягчилась Людмила Сергеевна, – значит, это не ваш ребенок, а своего вы обязательно отыщите, молитесь и продолжайте начатое дело, все получится! Пройдете курсы, и тогда вы будете первоочередниками. Все, не смею вас задерживать! И выше нос, госпожа Светлосанова! Рано плачете, вот потом...

– Что потом? – не поняла Арника, вытирая платочком слезы.

– Потом плакать будете... От счастья, конечно, – ответила Людмила Сергеевна и проводила супругов к двери.

Мир Арники в одну секунду потерял все краски. Черная земля с грязными лоскутками снега качалась под ногами. По скользкой дороге неслись машины, похожие на безликие штрихи простого карандаша. Люди проходили с размытыми лицами мимо. Принарядившиеся к празднику витрины пульсировали серыми лампочками, а в голове дергал натянутый сосуд невыносимой боли. Арника шла рядом с Иваном, он обнял ее за плечи и молчал. Арника взглянула на него, почудилось, что Иван плакал, а может, это мокрый снег таял на его лице. Они шли вдвоем по проспекту, погруженные в немой траур, среди счастливых прохожих, любующихся новогодним убранством вечернего города. Присутствовало горькое ощущение потери, словно тот, кто целых два месяца светлым сгустком счастья жил в их доме, умер, они его только что похоронили и возвращались в дом без него, и от того войти в тихие комнаты еще страшнее. Все в доме еще дышит потерянным счастьем, еще не знает, что оно никогда не вернется. Ползунки, игрушки, кровать... Арника не выдержала и громко зарыдала на всю улицу. Прохожие оборачивались, но Арника ничего не замечала.

– А-а-а, я во всем виновата, – причитала Арника, – пошла смеси покупать, нельзя, плохая примета! Сама себя наказ!

Она оплакивала свою девочку с ушками, которой в их доме, в комнате с бабочками, рядом с южанкой-пальмой никогда не будет. Иван крепко прижал жену к себе:

– Погоди, белочка, остановись!

Арника застыла, уткнулась лицом в тепло куртки мужа и затихла.

– Бельчонок, я все понимаю, это больно, но поверь, может, оно и к лучшему, значит, это действительно не наша девочка, а свою мы обязательно отыщем! Я обещаю тебе.

– Обещаешь? – доверчиво подняла на мужа красные от слез глаза Арника. – Честно?

– Честно, – через силу улыбнулся Иван.

И они пошли на остановку, чтобы вернуться в дом, еще пахнувший ожиданием Даниэлочки, но уже потерявший ее. Единственным, кто ждал сейчас их в этот час, был Рикки. Он в отчаянии вглядывался желтыми глазами в темноту зимней ночи. Стоял во мраке второго этажа на задних лапах, прижав морду к холодному стеклу, в надежде рассмотреть на мокрой дороге две фигурки, одна из которых принадлежит его матери.

Новогодние праздники прошли тихо, в узком семейном кругу. Арника успокоилась. Дала себе слово не расстраиваться. Потому что никакой девочки в их жизни вовсе и не было, был вымысел, который они сами себе придумали. Было странное ощущение обмана, словно им подсунили надежду, завернутую в яркий фантик, а когда фантик развернули, оказалось, что ничего внутри нет, кроме иллюзий. И вот именно из-за этих розовых иллюзий Людмила Сергеевна, подсунувшая пустышку в семью, стала ненавистна, неприятна, заняла позицию самого настоящего врага. Но и это прошло. Рядом всегда находился Рикки. Арника вновь переключилась на своего волка, и временами ей стало казаться, что вся затея с усыновлением полная ерунда. Соблазн, которому она поддалась! А теперь, оценив на трезвую голову ситуацию, не видит никакой необходимости в появлении нового члена семьи. Но такие мысли были мимолетными, Арника гнала их от себя. Еще с детства она привыкла никогда не сдаваться, а бросить все на полпути, означало – сложить крылья и признать свое поражение. Проигрывать Арника не любила, поэтому десятого января их ждали на курсах. Механизм процедуры усыновления давно оказался запущен, и не чужими руками, а желаниями самой Арники, ее страстями и попытками соответствовать званию женщины. Этот механизм уже никак не остановить. Не могла же Арника придти к Людмиле Сергеевне и сказать, что передумала, больше ничего не хочет, и мнимая девочка была необходима только потому, что у Томки, у последней из ее одноклассниц, причем самой некрасивой и самой посредственной, появился ребенок! А у нее, Арники, отличницы, умницы, всегда первой во всем, никаких детей и в помине нет. Не могла же она увидеть насмешку в лукавых глазах, а потом разочарование, потому что такие, как Арника, по мнению многих, всегда привыкли брать то, что им хочется, но никто не знает,

что на самом деле происходит там, внутри, где бьется живое и очень доброе сердце! Людмила Сергеевна, может, только того и ждала, испытывала их с мужем, но Арника никому не позволит смеяться над ними или сомневаться в искренности желаний. Возможно, она идеализирует осиротевших детей, а они вовсе не такие ароматные цветочки, какими кажутся на первый взгляд. Об этом Арника почитывала на форумах приемных родителей, но сайт центра усыновления утверждал, что дети всегда остаются детьми, независимо от генов и происхождения, невзирая на угарное зачатие и дурные привычки биологических родителей. Всегда вина лежит на плечах усыновителей, не готовых к заботе и ласке, к работе над собой, не готовых к настоящей любви. Арника считала, что это уж точно не про нее. Волка смогла полюбить, неужели малыша своим большим сердцем не согреть?! И какая разница, кто его родители?!

Но где-то в глубине души Арника понимала, что втянута в систему, она ничего больше не решает, движется по инерции, напоминая себе тяжелый металлический шар, набирающий обороты на наклонной плоскости. Остановок быть не может, начатое нужно завершить, достигнуть поставленной цели, иначе, зачем жить дальше?! Не зря психологи говорят о двадцати одном дне, отведенном на появление привычки или искоренение ее. Они привыкли с Иваном жить в ожидании ребенка и отвыкать жить без него даже не пытались.

Курсы приемных родителей проходили в детском реабилитационном центре, расположенном на самой окраине города, о существовании которого Арника и Иван даже не догадывались. Десятого января весь день шел мокрый снег. Раскисшие тротуары, серые дома наводили смертную тоску. Полтора часа супруги ехали в маршрутке, впав в оцепенение. Арника смотрела на дорогу, временами отворачиваясь, завидев на ней истерзанную колесами птицу или впрессованного в асфальт кота. Иван равнодушно смотрел на голову водителя и думал о своем. Возможно, снова о работе, с которой в тысячный раз пришлось отпрашиваться, а может быть, о курсах, о новом этапе в жизни, хотя зачем мужу вообще все это нужно... Арника посмотрела на его висок, скулы, легкую щетину. «А он постарел! – подумала девушка. – Только сейчас при дневном освещении морщины стали такими заметными, щеки совсем ввалились, кормлю же хорошо, а глаза, бесцветные, впавшие! Что мы творим?»

Арника могла бы еще долго искать тупики сознания своими невеселыми мыслями, если бы не муж.

– Выходим, наша остановка! – толкнул он жену под локоть и начал протискиваться к дверям по узкому проходу.

Спустя двадцать минут блужданий по пустырям, Арника и Иван отыскали одинокое унылое двухэтажное здание, именуемое детским центром реабилитации. Его не спасали ни замысловатый забор, ни деревянные фигурки сказочных персонажей во дворе, ни розовая фасадная краска, ставшая грязно-серой от мокрого снега. От здания веяло холодом и одиночеством.

– Бр-р-р, – поежилась Арника, – ну и убожество, даже войти не хочется! Неужели здесь можно кого-то реабилитировать, больше напоминает хоспис?!

Арника и Иван отворили металлическую калитку в неуклюжих завитушках диковинных цветов и вошли во двор, на территории которого сиротливо слонялись три детские фигурки.

– Здравствуйте! – поздоровались дети.

– Здравствуйте, – ответила Арника, а про себя отметила, что дети такие же унылые, как и здание, даже определить невозможно, сколько им лет и какого они пола.

На ступенях, ведущих в здание, сидели коты. Всего их было девять или одиннадцать. Коты, в отличие от детей, имели ухоженный сытый вид. Арника согнулась и погладила одного по голове.

– Не трогай! Вдруг лишай?! – одернул Арнику Иван.

– Какой лишай, Ваня, они так вкусно котлетами пахнут и еще чем-то волшебным!

– Ну и нос у тебя! – рассмеялся Иван. – Понятно, почему дети такие тощие, все этим гадам отдают! А они не против! У-у-у, сытые мордахи! – и тоже потрепал одного кота за уши.

Кот зажмурился от удовольствия и начал громко мурлыкать, подергивая лапами и показывая свои острые коготки.

Супруги вошли в здание, поднялись на второй этаж, минули холл, уставленный стульями, и подошли к кабинету, в котором, согласно договоренности по телефону, должен состояться прием. Двери были открыты настежь. Навстречу Арнике и Ивану тут же выбежала молодая высокая девушка. Она показала рукой на стулья в темном холле и попросила ждать, пока не соберется вся группа. Арника покорно кивнула, вернулась в холл, расстегнула куртку и, выбрав из множества стульев самый удобный, опустилась на него. Рядом с ней на соседний стул присел муж.

– Ну, что же, бельчонок, мы с тобой как всегда раньше всех приехали! Посмотрим, сколько всего людей соберется. Видимо, мы не одни.

– Посмотрим, – прошептала Арника и почувствовала, как снова нервничает.

Конкуренция не давала ей покоя. Особенно в столь деликатном деле. «Неужели усыновителей так много? – думала Арника и дрожала. – Девушка говорит о целой группе. Группа, это сколько? Пять, десять человек, а может, все пятьдесят? Дела! А вдруг нам с Иваном не хватит ребенка? Ведь такое возможно! Вдруг нас опередят, как произошло с Даниэлочкой? Нужно непременно быть шустрее, иначе мы останемся без ребенка!»

Пока Арника рассуждала, холл начал заполняться людьми. Они приходили, тихо садились на стулья и делали вид, что не замечают один одного. Арника подняла глаза, густая челка лежала почти на ресницах, было не совсем удобно. Но зато можно смотреть на людей исподтишка. Напротив сидела полная пожилая женщина, чуть дальше – еще три, средних лет; две супружеские пары, по возрасту такие же, как они с Иваном; и один молодой человек. «Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять! Всего девять, – сосчитала Арника, – ну, этих можно по отдельности не рассматривать, – подумала она о супружеских парах, – эти идут за одного, выходит, нас не так уж много! Да еще все из разных районов! Точно, детей хватит!» Но уверенность Арники быстро угасла, когда в холл продолжили входить все новые и новые люди, а она сбилась со счета.

Некоторое время Арника сидела как на иголках, готовая расплакаться: «Да сколько же вас! Идут и идут, нет конца и края!» Но потом она переключилась на странную парочку, шумно ввалившуюся в холл, и немного забыла о своих терзаниях. Арника принялась внимательно изучать молодых людей. Она не могла скрыть своего удивления и даже толкнула в бок Ивана:

– Смотри, какие экземпляры! Неужели им вообще кто-то может доверить жизнь ребенка? Они неадекватные!

– Я заметил уже, – прошептал Иван, – тоже наблюдаю!

Парочка действительно была своеобразной. Она – маленькая, круглая и нелепая, в длинной юбке. Лицо шаровидное, улыбочное, волосы реденькие, зачесанные назад. Внешне – совсем дитя. Он – молодой, высокий, очень симпатичный. Лицо располагало к общению, но, когда мужчина открывал рот, хотелось поскорее чем-нибудь прикрыть уши. С его губ слетали такие бранные слова, что становилось стыдно всем присутствующим. Мужчина матерился, все его раздражало: спутница, одежда на ней, ее манера говорить и даже улыбаться; его раздражали воспитанники центра, которые изредка заглядывали в холл, чтобы поздороваться.

– Черт бы побрал этих маленьких кукушат! Что им здесь понадобилось, здороваются, зачем? – возмущался он.

– Успокойтесь, – пыталась остановить дебошира пожилая женщина, не выдержав брани. – Что они вам сделали? Детки воспитанные, зачем вы так?

– Ага, – спорил мужчина, – приперлись, чтобы поглазеть на своих будущих родителей!

– Да уймитесь, у этих детей нет статуса, они находятся в центре на реабилитации, и ни на какое усыновление не претендуют! У малышей есть семьи, попавшие в трудное положение...

– Ой, ой, знаем мы их положение! Бухают вот и все, а детей в эту богадельню сбагрили, за наши налоги харчи хлебать! Все мы знаем! – и мужчина, довольный собственным остроумием, обвел горящими глазами присутствующих, пытаясь среди них отыскать единомышленников.

– Семенушка, пушистик, успокойся, – погладила мужчину по щеке его спутница и закрыла рот нервного «пушистика» своими губами.

Они слились в поцелуе, таком омерзительном, что люди в холле отвернулись. Арника покраснела. Подобное поведение в ее понимании было недопустимым. Сама она никогда не позволяла ни себе, ни Ивану проявлять любовные ласки при посторонних, все это было слишком интимно, и предназначалось только для двоих, но никак не для глазающей публики. Особенно, если в ее число входят дети.

Страстный поцелуй мог бы продолжаться бесконечно долго, и еще, бог знает, чем закончиться, если бы не высокая девушка, которая пришла в холл со списком.

– Ну, кажется, все собрались, – сказала она, улыбаясь, – меня зовут Дариной, сейчас мы сделаем перекличку, представимся. Поговорим о мотивации и пойдем в актовЫй зал на лекцию, которую проведет, и в этом вашей группе повезло больше остальных, специалист центра усыновления Потапова Марина Николаевна.

– А что, групп очень много? – задал вопрос молодой парень, все это время сидевший тихо в самом темном углу холла.

– Конечно, – еще шире улыбнулась Дарина, – каждые три месяца набирается группа из двадцати-тридцати человек. Много семей не имеет деток, а всем так хочется. Вот вы, например, тоже не исключение. С вас и начнем. Представьтесь, кто вы, чем занимаетесь и почему сюда пришли.

– Э-э-э, – смутился парень, – ладно, с меня так с меня! Я – Максим.

– Здравствуйте, Максим! – поприветствовала парня группа.

– Здравствуйте, – продолжил тот, – я не работаю на сегодняшний день, зато живу один в собственной квартире, которую потом могу завещать ребенку. Хочу усыновить мальчика лет семи.

– И на что же вы собираетесь жить? – поинтересовалась Дарина.

– Я собираюсь жить на выплаты, которые полагаются усыновленному ребенку до 14 лет.

– Вы думаете, что выживете на эти крохи? – удивилась девушка.

– Уверю вас, – серьезно ответил парень, – уверю!

«Ну и мотивация! – подумала Арника. – С нас три шкуры спустили, прежде чем допустить к усыновлению, а этот легким испугом отделался! И ничего, сидит среди нас и даже не скрывает своей материальной заинтересованности».

Через четверть часа очередь дошла до Арники с Иваном, они тоже представились, рассказали о себе. Группа встретила их достаточно тепло, но были и вопросы. Почти все молодые женщины не могли самостоятельно иметь детей. Арника, единственная из них, могла, но не хотела. Поэтому после некоторых рассуждений на тему деторождения она приобрела статус благородного человека, которым движет не природная потребность, а исключительное отношение к сиротам. И снова на нее смотрели как на святую. Арника стала притягательным магнитом. У нее было то, чего нет у других. У нее была возможность, этой возможностью рожать она манила, волновала женскую половину группы, утратившую свою самую важную функцию – давать жизнь, без которой ни одна нормальная женщина, живущая в обществе, не может чувствовать себя полноценной его частью.

Познакомившись с группой, Арника узнала историю каждого ее представителя и пути, приведшие в этот реабилитационный центр. Ей было очень интересно наблюдать, как люди сначала осторожно, стесняясь, рассказывают о своих проблемах, а потом все увереннее, уже не делая тайны. Это было похоже на групповую исповедь. Долгие годы мужчины и женщины

таили боль в самих себе, отшучивались перед друзьями и родственниками, когда те задавали вопросы о детях, и никак не могли заполнить пустоту в сердце. А теперь, сделав шаг навстречу другой жизни, в которой будет ребенок, и пусть не свой, зато такой желанный, выношенный в душе, в мыслях, люди раскрывались, говорили о своих мечтах, и глаза их блестели. Даже странная парочка, когда рассказывала о воображаемом ребенке, всплакнула, и рот мужчины перестал извергать бранную речь. Но больше всего Арнику поразила женщина, которая попросилась со своим мужем во имя усыновления ребенка. Она была преуспевающим доктором и творила такие чудеса, что о ней гудел весь город. Арника слышала об этом удивительном человеке, читала в газетах, и теперь не могла поверить, что врач от бога, как говорили люди, сидит совсем рядом с ней, придерживая обеими руками подушку под широким бесформенным свитером.

Пообщавшись с людьми еще до начала лекции, Арника узнала очень много любопытных вещей. Научилась различать приемные и опекунские семьи. Ей объяснили, что несколько человек уже приходят на курсы второй раз, потому что, если в течение года не выбрать ребенка, всю процедуру придется проходить заново. И Арника дала себе слово, что непременно станет мамочкой в ближайшее время после окончания курсов. Ибо сбор всех документов, беготню по кабинетам она уже вторично не вынесет. Наконец, Арника выяснила, что такое ребенок без статуса или с ним. Иван тихо сидел рядом и дремал. Он встрепенулся тогда, когда пожилая женщина, пришедшая на курсы потому, что имелась необходимость удочерить девочку, которая семь лет в семье была под опекой без статуса, а теперь этот статус получила, громко рассказывала Арнике обо всех тонкостях усыновления, присев с ней рядом на свободный стул. Спросонья Иван не понял, о каких статусах идет разговор. Арника объяснила ему на ухо:

– Понимаешь, Ванечка, ребенок со статусом, это когда он полностью готов к усыновлению. Биородители... Да, да, не смейся, так их зовут усыновители, а еще есть понятие «биомать». Так вот, если биородители лишены прав на ребенка, и он всецело находится в ведении государства, то малыш получает статус. Такого ребенка можно и в приемную семью и на усыновление!

– Понятно! – улыбнулся Иван. – А я думаю, что за статусы такие...

– Слушать нужно внимательно! – легонько ущипнула Арника мужа за бок. – А ты вместо этого дремлешь!

– Заметила, да? – покраснел Иван. – Не сердись на меня, встаю рано на работу, вот и не высыпаюсь. А здесь так тепло и свет приглушенный, что я разомлел!

– Вот так, Ванечка, всю жизнь свою проспий! – рассердилась Арника. – Все мне одной нужно делать: и слушать, и с людьми общаться, и конспекты на лекции писать.

– А что, нас на эту лекцию как на занятие загоняют? – удивился Иван, который со школьной скамьи терпеть не мог писать под диктовку.

– Ну, что-то вроде этого! – кивнула Арника. – Хорошо, что я блокнот и ручку взяла!

Группа напряженно ждала, когда же начнется лекция. На улице давно стемнело, мокрый снег превратился в крупные ледышки, которые с бешеной силой молотили по холодным стеклам больших окон здания. Мужчины посматривали на часы. Время позднее, а еще всем добираться в битком набитом транспорте до своих теплых домов! Женщины тоже нервничали, как-никак об ужине нужно позаботиться, да и бытовых дел хватает. Поэтому, когда в холл вошла Дарина и пригласила всех в актовый зал, группа облегченно выдохнула.

– А сколько длится лекция? – спросила женщина-врач и погладила подушку под свитером, словно там жил маленький ребенок, который, так же как и его мать, очень устал от ожидания, а им еще утром бежать на работу.

– Часа два, не больше, – улыбнулась Дарина, – но это того стоит. Марина Николаевна – настоящее сокровище! – и Дарина махнула рукой, чтобы группа следовала за ней по темному коридору, ведущему в актовый зал.

Актовый зал был залит ярким светом. Вошедшие люди зажмурились, некоторые схватились за глаза, привыкшие к приятному полумраку холла.

– Занимайте удобные для вас места, – скомандовала Дарина, не переставая улыбаться, – я удаляюсь, оставляю вас наедине с нашим специалистом!

Арника прошла по проходу, направляясь к первому ряду сидений, и потянула Ивана за собой.

– Здесь слышно лучше! – шепнула она мужу и плюхнулась в мягкое кресло, которое показалось спасением после жесткого стула.

Иван рухнул рядом. Он все еще казался сонным, а яркий свет взбудоражил его, заставил глаза покраснеть, а кожу сделал белой как пергамент.

«Ой, какой же он уставший! Одни руки чего стоят – с венами, похожими на синих обьевшихся удавов!» – подумала Арника, осматривая лицо и запястья мужа. Сердце сжалось от боли. Потом она, чтобы не впасть в уныние, перевела взгляд на центр актового зала. Там стояла облезлая живая ель. Веточки снизу были безжалостно ободраны десятком любопытных рук и новогодними хороводами. Стекланные игрушки, еще советских лет, украшали ель только от середины и до самой макушки, видимо для того, чтобы их тоже, как и ветки, не ободрали дети. Возле ели, широко улыбаясь, в ожидании, когда все рассядутся, стояла невысокая женщина. Она была хороша собой. Среднего телосложения, средних лет. По таким дамам невозможно определить, сколько времени они провели в земном существовании, может, годков двадцать шесть, а может, и все пятьдесят. Ее лицо было ухоженным, холеным, как и руки, которые она держала замком в районе слегка выпирающего животика, обтянутого дорогим узким платьем с легким намеком на деловой стиль. Темные волосы волнами лежали на плечах. «Голливудская укладка», – подумала Арника. Сама она никогда ее не использовала, уж очень искусственными получались пряди. Внешне женщина располагала к себе. Но все же что-то в ней отталкивало! Арника присмотрелась и поняла – это украшения. Их слишком много. Стоя рядом с новогодней елью, женщина ничем от нее не отличалась. Две золотые цепи норовили забраться в ее декольте. На одной – массивный крест. Еще чуть-чуть – и можно на купала водружать! На пальцах – огромные печатки. В ушах – агрессивно скалят свои грани бриллианты, размером с хороший рыбий глаз. «Ух, – зажмурилась Арника, – явный перебор! Золото, бриллианты и реабилитационный центр со сломанными детскими судьбами. Мерзко!»

– Ну, раз все, наконец, заняли свои места, – начала свое выступление женщина, – я представляюсь. Зовут меня Марина Николаевна Потапова.

Голос женщины растекался по залу как тягучий приторный бальзам. Прежде Арника никогда не слышала подобных голосов, низких, бархатных, заставляющих слушателя погружаться в гипнотическое состояние. Арника глубоко вдохнула и почувствовала аромат духов Марины Николаевны. Запах был таким же сладким, как и голос его обладательницы, с насыщенным медовым оттенком. Сначала он был легким, приятным, но потом запах усилился, сделался невыносимым. Арнику затошнило. Она не любила мед, как и сладкие запахи. В парфюме Арника отдавала предпочтение мужским ароматам, с горьковатой ноткой древесины, замши, можжевельника и лаванды.

– Я сотрудник центра усыновления, в который вы непременно придете за детьми, если районные отделы образования не смогут подобрать их из своих резервов, – продолжала свою торжественную речь Марина Николаевна. – Встречаться мы будем раз в неделю, приблизительно в такое время, как сегодня. Всего у нас с вами пять занятий. Потом вы пройдете психологическое тестирование, получите заключение психолога и посетите наш центр. Дальше я буду работать с каждой семьей по отдельности. Но хочу вас предупредить, чтобы вы не теряли связи друг с другом, потому что в трудных ситуациях вы сможете поддерживать один одного. Вы тот самый пласт...

– Подождите, – громко выкрикнула женщина-врач, которая пристроилась на самом дальнем ряду, ближе к выходу, – что вы несете? Зачем это я должна поддерживать связи со своей группой. Хватит нам того, что мы здесь друг на друга пялимся, это нарушает тайну усыновления. Не хотелось бы встретить кого-нибудь из одноклассников на улице, когда я буду идти с ребенком. Вы и так нам проблемы создали! Подобные занятия должны проходить анонимно.

– Ну, знаете ли, – возмутилась Марина Николаевна.

– Не знаю! – резко оборвала ее женщина-врач. – И хватит называть нас пластом! Какой мы пласт? В первую очередь каждый из нас человек!

– Успокойтесь, пожалуйста, – попыталась сделать свой голос как можно мягче Марина Николаевна, – я понимаю ваши амбиции, но все же, если вы все сюда пришли, – обвела она уверенным взглядом группу, словно старалась подавить внутренний протест людей, которые кивками головы поддерживали доктора, – то следует забыть о себе полностью, раствориться в нуждах будущих детей! Вы пласт, потому что вы усыновители! Что-то вроде масла между двумя кусками хлеба. Один кусок – это государство, второй – ребенок. И выбросите из головы мысли о том, что все дети – это отказники, рожденные девушками-студентками и оставленные в роддоме из-за страха позора. Это мифы, и подобных матерей не существует! А есть женщины-биоматери, лишённые родительских прав по причине пьянства, совершения преступлений, наркомании и проституции. При этом лишённые уже не в первый раз. О генах я ничего слышать не хочу!

– Вы, конечно, можете отрицать, но поверьте, гены пальцем не раздавишь! – снова вступила в полемику доктор.

– Так-то оно так! – не дала ей договорить Марина Николаевна. – Только и у благополучных родителей иногда рождаются настоящие монстры. Нужно много работать, чтобы ребенка из системы сделать настоящим членом общества.

– А что же ваша система не старается, за наши налоги могли бы и потрудиться! – встряла в разговор странная парочка. Как оказалось, девушка и парень имели уникальную способность говорить хором, словно думали одинаково.

Марина Николаевна сделала вид, что не расслышала их, и пустилась в долгий монолог о детях из системы. Она рассказывала о потерянных привязанностях, о постоянном обжорстве, даже у грудников, о медовом месяце после усыновления и об адаптационном периоде, который может длиться годами. По ее словам выходило, что если ребенок ведет себя после усыновления агрессивно, то это просто замечательно. Если он срывает обои, крушит мебель, подворовывает – значит, малыш доверяет усыновителям.

Арника сидела, округлив глаза. На ее коленях лежал блокнот, в котором она не сделала ни единой записи. Ее руки дрожали, как и руки Ивана. Они насколько раз переглянулись, и во взгляде читалось одно: «На кой черт нам эти проблемы?!»

– И еще я хочу добавить, – продолжала Марина Николаевна, – детям хорошо в системе. Они прекрасно себя чувствуют без вас. И если вы решили, что станете избавителями ребенка от сиротской доли, то поскорее снимите костюм «супермена» и придите в себя. Усыновление нужно в первую очередь вам, а не им. Это вы не можете иметь собственных детей, это ваши проблемы! А тайны из усыновления, тем более, делать не стоит. Это я вам, как специалист, говорю. На моем веку столько семей было, которые свою жизнь превратили в ад: переезды, обмены, новые города – ничего не поможет. Всегда найдется, тот, кто откроет ребенку правду. И вот тогда, поверьте мне, вы станете врагами для него, он не оценит ваших стараний, ничего не оценит!

Арника обернулась и посмотрела на группу. Женщины сидели красные, как и мужчины. Это был удар ниже пояса. Получалось, что ребенок – это коронованное существо, которому все дозволено, а усыновитель – черный холоп, который должен ему прислуживать. И вовсе не страшно, если ребенок уничтожит все семейное имущество, холопы терпеливые, снова зара-

ботают. Более того, Арника узнала, что в случае морального непринятия семьей усыновленного ребенка, отменить усыновление будет крайне нелегко. И членам семьи, если вдруг суд вынесет решение об отмене усыновления, придется платить алименты.

«Ничего себе, думала Арника, – выходит, дети защищены полностью, а усыновители никем и никак. Хотя, с другой стороны, мы люди взрослые. Никто не станет сражаться с обездоленным малышом. Да и как это вообще возможно, взять ребенка из детского дома, а потом снова отправить его туда же!»

В самом конце лекции, пытаясь убедить слушателей в том, что не стоит делать тайны из усыновления, Марина Николаевна рассказала сказку о медведях, которая очень умилила Арнику. Эта трогательная сказочка, сочиненная одним из усыновителей много лет назад, заставила Арнику сначала улыбнуться, а потом и вовсе уверовать в правильность их с Иваном действий. И придет время, а оно обязательно придет, их деяния возблагодарятся.

Данная версия сказки о медведях предназначалась для того, чтобы рассказать взрослому ребенку о его происхождении. Смысл заключался в следующем: необходимо посадить перед собой малыша, который начал задаваться взрослыми вопросами и положить перед ним трех медведей. Два из них непременно должны быть одного цвета, а третий – полностью отличаться и по форме, и по цвету, и по внешнему облику. А потом рассказать сказку: «Жили-были два медведя. Мама и папа. И не было у них медвежат. Решили медведи пойти по свету и отыскать своего малыша. Шли они очень долго, измучились в пути и забрели в сказочное царство, в котором жил маленький медвежонок среди лесных зверят: лисичек, зайчиков, волчат и ежат. «Ой, какой хорошенький!» – сказала мама-медведь. «Ой, какой миленький!» – воскликнул папа-медведь. «Да это же наш сыночек!» – прокричали они оба. «Почему я ваш? – удивился медвежонок. – Я же совсем не похож на вас, у меня шубка голубая, а у вас белая!» «Ну и что? – ответили медвежонку мама-медведь и папа-медведь. – Посмотри, у нас, как и у тебя, четыре лапы, хвост-помпон, ушки-баранки, глазки-бусинки и рот, который умеет рычать. А цвет шубки – вовсе не главное. Главное, что мы тебя отыскали и любим больше жизни!»

После нехитрого рассказа с малышом непременно стоит подурочиться и совершить групповое рычание. А потом завершить сеанс признания совместными объятиями.

Слушая сказку, Арника уже представляла красочную картину в их гостиной перед камином, в котором должны потрескивать сухие дрова. На пушистом белоснежном ковре Арника видела свою темноволосую девочку, с удивительными огромными глазами, в розовом платье. Рядом – улыбающийся Иван, который с любовью смотрит то на Арнику, то на их малышку. Арника рассказывает сказку о медведях, девочка слушает ее, открыв рот, и когда сказка заканчивается, девочка благодарно целует Арнику в щеку. Они обнимают друг друга, Арника плачет от счастья, а Иван гладит ее по голове. Потом они дружно рычат, очень-очень долго, до тех пор, пока не начинают чувствовать себя уставшими и голодными, как самые настоящие медведи. И тогда Иван берет телефон, не желая мучить жену поздним ужином, и звонит в ресторан. А через полчаса им на дом доставляют горячую пиццу в трех коробках. В трех коробках... Здесь картинка вдруг поблекла, растаяла, и Арника пришла в себя. «Почему в трех коробках? – спохватилась она. – В трех коробках, это было до нашей девочки. Одна – для Ивана – с беконом, вторая – для меня – с тунцом и морепродуктами, а третья – для Рикки – пицца „Маргарита“. Значит, в будущем должно быть четыре коробки! Нет, так не пойдет! Рикки не сможет больше лакомиться с нами пиццей. Ему предстоит питаться отдельно. Ой, бедный мой волк! Но в доме появится ребенок. А для детей близкие контакты с волками, пусть и одомашненными, опасны! Рикки может отобрать еду или зубами за руку ухватиться. Ах, ты, боже мой, совсем запуталась! Что же делать?! Я люблю Рикки, он мой сыночек, но и настоящего ребенка тоже хочется, чтобы как у всех! Неужели, действительно, придется выбирать?!»

– Арника, бельчонок, – как сквозь сон услышала Арника голос своего мужа, – с тобой все хорошо, ты красная?! Давление подскочило? Пора ехать, лекция закончилась, Рикки полдня один сидит голодный, поторапливайся!

Арника потеряла горячий лоб, поправила челку и осмотрелась. Марины Николаевны не было, группа быстро покидала актовый зал. Возле выключателей стояла уборщица в синем халате. В ее руке было пустое ведро, которое сердито позвякивало. Женщине не терпелось поскорее избавиться от посетителей, чтобы убедиться в чистоте пола, погасить свет и запечатать двери. Арника быстро подскочила со своего теплого места, застегнулась, и они с Иваном направились к выходу, лишь бы ведро уборщицы перестало зло брэнчать.

Арника и Иван ездили в реабилитационный центр на занятия, как на работу. Арника быстро привыкла к поездкам, ей они даже нравились, это был лишний повод нарядиться и сделать шикарный макияж. А Иван все никак не мог смириться с бесполезно потраченным временем. Потому что на лекциях им ничего сверхважного не рассказывали. Да, они обсуждали некоторые моменты усыновления, рисовали глупые рисунки и больше ничего. Арника же, наоборот, с большим удовольствием входила в зал, присаживалась возле потенциальных усыновителей. И если до лекции оставалось несколько свободных минут, то девушка оживленно болтала с ними. В результате подобной болтовни, совершенно пустой на первый взгляд, Арника пришла к выводу, что дожидаться грудника лет пять не будет! Очереди уж слишком длинные! И ей не стоит заикливаться только на девочке, сотни великолепных мальчиков прозябают в детских домах, а из них могли бы получиться отличные сыновья, настоящие мужчины, гордость матерей. Немного подумав и посоветовавшись с Иваном, Арника поняла, что запросто могла бы стать матерью для трехлетнего мальчишки. Особенно, если муж не возражает. Главное, чтобы тот был психически здоров. На счет психического здоровья Арнику опытные усыновители предупредили. Дети из системы фактически все страдают задержкой речевого развития, а иногда и психического. Поэтому при выборе ребенка нужно смотреть в оба глаза. Арнике рассказали о женщине, которая усыновила мальчика, а он оказался больным шизофренией. Вот тогда Арника испугалась по-настоящему. Она допускала, что их усыновленный малыш может быть болен: проблемы со зрением, слухом, или сердцем. Но только не психические расстройства! Подобного Арника не допустит, потому что их с Иваном ребенок должен унаследовать все имущество, умело им распоряжаться и перенять дело своих отца и матери. Конечно, Арника не имела внутренних сил на то, чтобы попрощаться навсегда со своей мечтой иметь девочку-грудника с чудесным именем Даниэлла, но на всякий случай подготовила для себя запасной вариант в виде здорового трехлетнего мальчика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.